This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

B4238
B49
1901

STANFORD
LIBRARIES

М. В. БЕЗОБРАЗОВА.

Публичныя лекціи.

МОСКВА.
Первая женская типографія Е. Гербекъ, 2 Мѣщанская. № 26.
1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

М. В. БЕЗОБРАЗОВА.

Публичныя лекціи.

МОСКВА
Первая женская типографія Е. Гербекъ, 2 Мѣщанская, № 26.
1901.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. Москва, августъ 9 дня, 1900 г.

Digitized by Google

I.

ОБЪ ИДЕАЛѢ.

М м. Г г.

То, что вы сюда собрались, уже показываетъ, что вамъ дорого то, о чемъ я хочу говорить, и если я не ошибаюсь, то вопросъ объ идеалѣ—самый дорогой для насъ вопросъ.

И ожидаете ли вы отъ меня какого-нибудь новаго рѣшенія этого вопроса, какого-нибудь неизвѣстнаго вамъ опредѣленія того, что можно понимать подъ идеаломъ?

А я не могу сказать вамъ ничего новаго о томъ единомъ идеалѣ, который одинъ только заслуживаетъ этого названія, о томъ самомъ, ради чего мы только и живемъ, когда считаемъ, что нѣтъ для насъ вопроса ближе и дороже.

И мнѣ даже кажется, что вы точно такъ же хорошо, какъ и я, знаете, что такое идеалъ, что вы точно такъ же представляете себѣ подъ идеаломъ лучшее, что есть на землѣ, или лучшее, что только

Digitized by Google

можете себѣ представить, а когда говорятъ, что это лучшее истина и добро, то какъ будто говорятъ фразу, опошляютъ то самое, что живо въ насъ, и дѣлается только пошлымъ, обращается въ фразу, когда это говорится.

Какъ будто въ этихъ случаяхъ тускнѣетъ, а не просвѣтляется то самое, къ чему приклеивается ярлычокъ, точно дѣло обращается въ слово, образъ утрачиваетъ свою жизненность и яркость, когда его втискиваютъ въ рамки слова, закрѣпляютъ его словомъ, и остается фраза, пустой звукъ!

Пусть то и будутъ хорошія забытыя слова, напоминать о которыхъ не мѣшаетъ, какъ сказалъ, подводя итоги своей литературной дѣятельности, Салтыковъ, но все же есть еще нѣчто большее, чѣмъ такія слова.

Слово вѣдь только символъ дѣла, и нельзя не сознаться, что мы, несмотря на все, больше говоримъ, чѣмъ дѣлаемъ, и опошлили все хорошее тѣмъ, что мы такъ много говоримъ. Лучше слова хорошее незабытое дѣло, то дѣло, напоминать о которомъ не приходится.

И когда мы вдумаемся въ то, что такое добро и истина, то не можемъ не сказать, что добро и есть истина или справедливость, а истина и есть добро. Поступать хорошо это иначе поступать справедливо, это жить по истинѣ.

И всякій изъ насъ сознаетъ, что онъ потому не ошибается въ оцѣнкѣ истины и добра, что въ глубинѣ души его живетъ совѣсть.

Насколько намъ, можетъ-быть, недоступна абсолютная или теоретическая истина, настолько же въ на-

Digitized by Google

шихъ рукахъ истина относительная, практическая или нравственная, иначе добро. Истина и добро сливаются и объединяются, и между ними нѣтъ разрыва.

Не должно быть разрыва и въ чемъ-то еще другомъ.

Что именно всего труднѣе въ жизни? Въ чемъ заключается главная ея задача, ея смыслъ?

Въ томъ вѣдь, чтобы связать хорошее слово съ хорошимъ дѣломъ, поставить себѣ цѣлью преслѣдовать ихъ тождество. Этимъ тождествомъ и исчерпывается смыслъ жизни, а чѣмъ меньше разрыва между словомъ и дѣломъ, тѣмъ больше смысла въ жизни, тѣмъ болѣе приближается она къ тому, что мы понимаемъ подъ жизнью, и отдаляется отъ того, чего нельзя не считать прозябаніемъ.

И нужно ли мнѣ сказать, что говорить о смыслѣ жизни—это иначе говорить объ идеалѣ и проводить грань между словомъ и дѣломъ или идеаломъ и дѣйствительностью, относить идеалъ къ области стремленій—это значитъ лишать его того, въ чемъ заключается его сущность? Когда проводится такая грань, то идеалъ теряетъ свой смыслъ, и нѣтъ его тогда и въ жизни.

Слѣдуетъ ли мнѣ сказать, что жизнь является только снимкомъ съ идеала, его фотографіею, и она всегда такова, каковъ ея оригиналъ, тотъ аршинъ, которымъ мы ее мѣряемъ, то представленіе, которое мы о ней имѣемъ?

Чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ лучше жизнь, сказалъ современный намъ датскій философъ Гёфдингъ.

Но долженъ ли идеалъ быть только высокъ? Въ томъ ли дѣло, чтобы онъ былъ какъ можно выше?

Digitized by Google

Идеалъ, который не связанъ съ жизнью, уноситъ отъ нея, позволяетъ разорвать съ нею, является только вымысломъ нашего воображенія, а не идеаломъ. Идеалъ создается не однимъ воображеніемъ, а совокупностью нашихъ силъ, тѣмъ, что составляетъ нашъ духъ.

Насколько трудно иногда бываетъ разграничить дѣятельность различныхъ способностей и не мыслимо сказать, что умъ познаетъ истину, сердце чувствуетъ добро, воля направляется къ ихъ осуществленію, какъ узка и односторонняя была та психологія, которая довольствовалась тѣмъ, что раздѣляла человѣка и разъединяла его способности, настолько ближе къ правдѣ то пониманіе, его при которомъ не упускается изъ виду, что умъ, сердце и воля объединяются или что нашъ духъ составляетъ нѣчто цѣльное и единое.

И созданіемъ совокупности нашихъ способностей, результатомъ дѣятельности духа и является идеалъ, а онъ потому-то и служитъ прообразомъ жизни.

Не для чего иного вѣдь мы и живемъ, какъ для осуществленія идеала. Въ этомъ цѣль нашей жизни, если намъ и случается увлекаться тѣмъ преходящимъ, что составляетъ въ ней тѣло.

Тѣло вѣдь и сама эта жизнь со всѣми своими физическими условіями, тѣло всѣ тѣ матеріальныя блага, въ которыхъ мы такъ часто думаемъ найти счастье. И думаемъ мы найти его тамъ, гдѣ его нѣтъ, когда не задумываемся надъ тѣмъ, что оно такое? А счастье остается всегда только тѣмъ призракомъ, который мы преслѣдуемъ, когда не хотимъ знать, что то, что мы понимаемъ обыкновенно подъ счастьемъ— синонимомъ земныхъ благъ, вовсе не существуетъ

Digitized by Google

или что земныя блага не даютъ счастья, что оно не въ нихъ, а въ насъ... Когда не хотимъ знать, что для счастья менѣе всего требуется быть богатымъ, красивымъ или молодымъ и что гоняться за внѣшнимъ это значитъ всегда оставаться на поверхности. Поверхность же только скользка: она существуетъ для того, чтобы ее миновать, а на ней нельзя оставаться и не хочется, когда знаешь, что она такое.

И глубже лежитъ то самое, ради чего мы только и живемъ, то неизмѣнное и вѣчное, которое не получаетъ и не можетъ получать удовлетворенія во всей этой внѣшней жизни, составляющей только ея скорлупу.

И трудно было бы не быть убѣжденнымъ въ томъ, что за поверхностью должно скрываться что-то иное, а оно то и есть то лучшее, ради чего только и стоитъ жить.

И это лучшее не рѣжетъ глаза и уши, какъ то, что на поверхности, а скрывается, какъ всякая сущность, всякое зерно; нужно остановиться и всмотрѣться, чтобы никогда уже не хотѣть довольствоваться тѣмъ, что осталось наверху, что составляетъ только оболочку жизни, ея внѣшность и такъ очаровываетъ тѣхъ, кто никогда не останавливался, кто забылся въ погонѣ за тѣмъ, что блеститъ, и у кого въ суетѣ, замѣняющей жизнь, нѣтъ времени разглядѣть, блеститъ ли это золото?

И если бы тѣ, которые такъ спѣшатъ, остановились, то для нихъ перестало бы блестѣть то, что не золото. Они разглядѣли бы тогда, что имъ совсѣмъ не нужно того, что такъ часто представляется теперь цѣлью жизни, а жизнь стала бы тогда больше жиз-

Digitized by Google

нью, чѣмъ то теперь, потому что въ ней явилось бы больше содержанія или смысла и меньше стало бы лишняго или внѣшняго.

Останавливаются же не всѣ.

И потому-то, намъ такъ дороги тѣ, которые остановились и вглядѣлись—это наши любимые поэты и писатели. И мы ихъ любимъ тѣмъ больше, чѣмъ глубже они вглядѣлись, чѣмъ ярче свѣтитъ для нихъ огонекъ истины и добра и чѣмъ живѣе въ насъ самихъ сознаніе, что нельзя жить безъ идеала и его освѣщать это значитъ помогать намъ жить.

И этотъ огонекъ истины и добра не нѣчто выдуманное, книжное или отвлеченное, это не плодъ кабинетной работы, не теорія, доступная немногимъ и требующая для того, чтобы ею овладѣть, работы дрессированнаго ума, нѣтъ, идеалъ—предметъ первой необходимости, доступный всѣмъ, то самое зерно жизни, безъ котораго мы всего менѣе можемъ обойтись разъ, что мы люди, а не животныя, разъ, что жизнь не является для насъ только суммою физическихъ отправленій, а мы понимаемъ различіе между жить и прозябать и хотимъ жить, а не прозябать!

И мнѣ кажется, что это не болѣе какъ недоразумѣніе, когда идеалъ называютъ мечтою или противопоставляютъ его дѣйствительности. Идеалъ не мечта—идеалъ и дѣйствительность другъ другу не противоположны.

Когда говорятъ, что дѣйствительность и идеалъ отдѣляются рѣзкими гранями или что жизнь разбиваетъ идеалы, то отдаютъ ли себѣ отчетъ въ томъ, что такое идеалъ и что онъ не имѣетъ смысла помимо жизни, и сознаютъ ли что такое дѣйствительность!

Digitized by Google

Что называется въ такомъ случаѣ дѣйствительностью?

Вѣдь только то, что не выходитъ изъ предѣловъ физическаго существованія, именно наша будничная жизнь съ ея мелочными заботами, направленными къ пресѣченію холода и голода во всѣхъ его видахъ и оттѣнкахъ, начиная съ первобытнаго холода и голода и кончая послѣдними требованіями моды въ отдѣлкѣ платья и квартиры и удовлетвореніемъ вкуса того, кому земляника пріятнѣе въ январѣ, чѣмъ въ іюнѣ.

И когда ставятъ вопросъ такимъ образомъ и эту-то именно жизнь, въ которой нѣтъ мѣста идеалу, и считаютъ дѣйствительностью, то оказывается, что жизнь суживаютъ и ограничиваютъ, заключаютъ ее въ произвольныя, вовсе невѣрныя и недѣйствительныя рамки.

Въ этомъ и заключается глубокое заблужденіе, потому что при этомъ какъ будто забываютъ, что наше физическое существованіе еще не составляетъ всей дѣйствительности, что въ нее должно входить нѣчто другое, а это и есть самое важное въ ней, именно элементъ духовный.

Правда, что явленія духовной жизни не такъ осязательны, какъ явленія жизни физической, и это потому что они не такъ грубы, просты и, можно сказать, наивны, а тоньше и сложнѣе, богаче и разнообразнѣе.

И для того, чтобы ими жить, недостаточно имѣть глаза и уши; они именно не бросаются въ глаза, не рѣжутъ слухъ, какъ то, что на поверхности, и ихъ потому такъ часто заслоняетъ, даже совсѣмъ можетъ

Digitized by Google

заставить о нихъ забыть и дать спокойно пройти мимо, ихъ не замѣчая.

И нельзя не сказать, что духовная жизнь не только не меньшая дѣйствительность, чѣмъ жизнь физическая, но что она ея дѣйствительнѣе, на сколько зерно всегда дѣйствительнѣе скорлупы, потому что менѣе хрупко, болѣе прочно.

А духовная жизнь немыслима безъ идеала. Не хотѣть знать добра и истины это значитъ не жить духовно, запереть дверь передъ лучшимъ, что есть на землѣ, выбросить за бортъ самое цѣнное и нужное, и что же тогда останется?

То что дѣйствительно только пошло, сѣро и грязно, то самое, что такъ любятъ называть дѣйствительностью, когда противопоставляютъ ее идеалу и забываютъ иную, лучшую, болѣе дѣйствительную дѣйствительность, ту самую дѣйствительность, которая немыслима безъ идеала, гдѣ онъ составляетъ только одно изъ звеньевъ, куда онъ входитъ какъ необходимая часть.

А вѣдь жаловаться на жизнь, говорить что она пуста, пошла или грязна,—это не что иное, какъ признаваться въ собственномъ своемъ безсиліи, въ отсутствіи идеала; это иначе отрицать для себя возможность оживить то, что дѣйствительно безъ идеала и не можетъ не быть и сѣро, и пошло, и грязно, потому что куда ничего не вносится, тамъ ничего не можетъ быть.

Такъ солнце свѣтитъ одинаково и для насъ, и для какой-нибудь букашки, а такъ же ли оно представляется намъ или этой букашкѣ?

Такъ ли живетъ тотъ, кто задумался надъ жизнью

Digitized by Google

и тотъ, кто можетъ мечтать о томъ, чтобы выиграть 200 тысячъ?

И мы вездѣ встрѣчаемся все съ тѣми же фактами, съ тою аксіомою, что все зависитъ отъ нашего воззрѣнія на жизнь, все дѣло въ томъ, какъ мы относимся къ явленіямъ, смотримъ ли мы на нихъ сквозь розовыя, черныя или сѣрыя очки, потому что мы не можемъ смотрѣть въ очки безцвѣтныя, а такія существуютъ только въ оптическихъ магазинахъ.

Объективнаго же или безцвѣтнаго міровоззрѣнія нѣтъ, и жизнь наша не есть нѣчто данное разъ навсегда, неизмѣнное и незыблемое: ее менѣе всего можно бы сравнить съ математическою величиною.

Это аксіома вѣдь, что жизнь наша является всегда только тѣмъ, что мы сами изъ нея дѣлаемъ; мы ея хозяева, ея господа, она отъ насъ зависитъ и намъ подчиняется.

Это и утѣшительно, и неутѣшительно. Утѣшительно, потому что хорошо зависѣть отъ себя, ковать собственное счастье, какъ говоритъ нѣмецкая пословица; неутѣшительно въ томъ отношеніи, что иначе легко было бы жить, а оно трудно, какъ трудно думать, чтобы управлять и нести за то отвѣтственность, какъ легко не думать, чтобы все сваливать на судьбу и винить во всемъ обстоятельства.

Я никакъ не хочу сказать того, чтобы не приходилось въ извѣстныхъ случаяхъ покоряться судьбѣ, не думаю забывать, что есть на свѣтѣ горе, есть болѣзни, и ихъ приходится выносить,но мнѣ именно кажется, что и горе, и болѣзни выносятся иначе, когда стараются ихъ побѣдить, стать выше того, что составляетъ только обстоятельства жизни, исходъ же этой

Digitized by Google

борьбы зависитъ отъ того, какую роль играетъ въ жизни духъ, и самая борьба становится немыслимою, когда онъ стоитъ на второмъ планѣ.

И все остальное потому ничто передъ этимъ вопросомъ, вся жизнь складывается иначе, когда она является жизнью духа, его развитіемъ, а не пораженіемъ, не отступленіемъ его передъ тѣломъ. „Считаете-ли вы, что здоровый духъ живетъ въ здоровомъ тѣлѣ, а по моимъ наблюденіямъ такъ всегда одно живетъ насчетъ другого", сказалъ одинъ знаменитый врачъ, но не философъ.

И насколько нужно работать и работать именно надъ собою, чтобы имѣть идеалъ, и насколько это потому трудно, такъ же просто и легко мечтать.

А потому мы такъ и любимъ мечтать и такъ красивы часто наши мечты—эти бабочки жизни, которыя такъ же быстро появляются, какъ и исчезаютъ, и исчезаютъ всегда безслѣдно. И интересно, что сколько бы мы ни мечтали, отъ этого нѣсколько не дѣлается другою наша жизнь, не мѣняется наша нравственная физіономія.

Характеристично притомъ то, что мечта идетъ всегда въ разрѣзъ съ дѣйствительностью: мечтаешь вѣдь о томъ, чего не имѣешь. Мечта только суррогатъ дѣйствительности, и она бываетъ часто такъ же нездорова, какъ и всѣ суррогаты.

И именно потому, что въ мечтѣ нѣтъ ничего дѣйствительнаго, мы и относимся къ ней съ оттѣнкомъ презрѣнія! Можетъ ли идеалъ быть когда-нибудь мечтою?

Мечта ли это отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое человѣкъ, сознать, что наше лучшее заключает-

Digitized by Google

ся въ духовномъ мірѣ, и это наше достояніе не есть нѣчто, что идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, а дѣйствительность болѣе настоящая чѣмъ всякая физическая жизнь то, что ближе къ правдѣ, чѣмъ забывать о зернѣ и знать одну скорлупу? Это не мечта и не призракъ, но идеалъ, и этотъ то идеалъ и представляется намъ лучшимъ, что есть на землѣ.

И съ нимъ нельзя уйти изъ міра! Это не идея Платона, которую философъ самъ выселилъ въ заоблачный міръ, въ шатеръ за небеснымъ сводомъ, потому что ей не нашлось мѣста на землѣ въ этомъ мірѣ не бытія, чѣмъ была для Платона земля. Темно и мрачно тамъ, гдѣ идея не одухотворяетъ матеріи, пусто на землѣ, когда духовный міръ переносится въ заоблачныя страны.

И идея Платона не могла потому помочь жить, не была тѣмъ огонькомъ, который не оставляетъ землю въ темнотѣ и мракѣ. Земля была для Платона такою, что отъ нея нельзя было не желать перенестись въ иныя лучшія страны!

Идеалъ добра и истины не допускаетъ разрыва съ жизнью, не даетъ бѣжать отъ того, что темно и мрачно, пошло и грязно, но развѣваетъ мракъ, уничтожаетъ пустоту, грязь и пошлость, разъясняетъ и освѣщаетъ, заставляетъ забыть о скорлупѣ и полюбить то, въ чемъ такое хорошее зерно.

И идеаломъ никогда не можетъ быть бѣжать, потому что бѣжать легко, оставаться трудно. Остаешься же только тамъ, гдѣ любишь. Тотъ, кто остается, не можетъ не любить міръ и не считать его своимъ. Любовь это все въ жизни: выше любви никогда не

Digitized by Google

было и не будетъ ничего, и нашимъ человѣческимъ удѣломъ всегда останется любовь.

И если кто любитъ добро и истину, то не можетъ не любить и людей—носителей добра и истины, ихъ представителей на землѣ. А любить добро и истину значитъ въ нихъ вѣрить, любить людей—это ихъ жалѣть. Такъ хорошо понимаетъ смыслъ этого слова нашъ народъ, у котораго любить по человѣчески всегда жалѣть, а жалѣть всегда выше любить, какъ все духовное выше плотскаго.

И нѣтъ потому, можетъ-быть, другого народа, которому такъ близокъ, какъ намъ русскимъ, былъ бы смыслъ любить—жалѣть, такъ чуждо то, что и состраданіе можетъ считаться только эгоизмомъ и непонятно, что чувство это можетъ казаться смѣшнымъ или пошлымъ.

Нельзя любить людей и не жалѣть, что мы такъ мало думаемъ о такомъ, устройствѣ своей жизни, чтобы пользоваться ея зерномъ. и такъ много придаемъ значенія тому, что составляетъ въ ней только скорлупу. такъ стремимся къ жизни, о которой можно сказать, что она полнаскорлупы, стремимся къ тому, что такъ любимъ называть счастьемъ, и всегда оказывается при этомъ, что счастья на землѣ нѣтъ, потому что оно совсѣмъ не тамъ, гдѣ мы его думаемъ найти.

Нельзя любить людей и не жалѣть, что для насъ представляетъ загадку то, что должно бы быть просто и ясно.

Просто и ясно вѣдь, что всегда будетъ жизнью жить для осуществленія идеала, всегда останется только прозябаніемъ жить безъ идеала.

Digitized by Google

Просто и ясно, что можно жить только, когда знаешь, во имя чего живешь, и не стоитъ жить, чтобъ не умереть физически: не такая жизнь является лучшимъ, что есть на землѣ, не она жизнь человѣческая.

Лучшимъ-же, что существуетъ на землѣ всегда останется та жизнь, для которой идеалъ не мечта, а то самое близкое и родное, плоть отъ нашей плоти и кровь отъ нашей крови, которое и заставляетъ страдать, но даетъ за то силу къ тому, чтобы вести борьбу, и борьба оказывается всегда подъ силу: въ ней нельзя погибнуть, потому что противникъ всегда будетъ слабѣе.

И когда всѣ это сознаютъ, тогда легче станетъ жить намъ всѣмъ. Быть идеалистомъ это значитъ вѣрить въ идеалъ или по-нашему въ лучшую дѣйствительность, въ дѣйствительность одухотворенную, а не относить идеалъ къ области мечтаній и не жить потому сѣрою обыкновенною жизнью. Быть идеалистомъ это значитъ вносить въ жизнь то свое, что ее одно поднимаетъ и освѣщаетъ. А такимъ своимъ можетъ быть только вѣра въ то, что нѣтъ ничего лучше добра и истины, сознаніе, что мы всего болѣе имѣемъ право гордиться этимъ именно достояніемъ человѣчества, это иначе вѣра въ нашу человѣчность. Это и есть та живая увѣренность, при которой слово переходитъ въ дѣло.

Идеалисты не мечтатели: они не созерцаютъ жизнь, а ее улучшаютъ, это они ведутъ человѣчество впередъ по дорогѣ прогресса и помогаютъ уяснить то, въ чемъ заключается конечная цѣль всякаго прогресса, поднимающаго человѣка, все болѣе приближающаго его къ тому, чтобы онъ дѣйствительно сталъ

Digitized by Google

царемъ творенія, укрѣплялъ и развивалъ свои духовныя силы и лучше чѣмъ теперь понялъ, что въ нихъ заключается сущность человѣка, царя творенія, физическое же только то звено, которое связываетъ его съ тѣмъ, что ниже, и впереди остается еще сдѣлать не мало въ этомъ отношеніи.

Въ лучшемъ своемъ смыслѣ вся жизнь человѣчества будетъ заключаться въ уясненіи все того же самаго идеала любви или вѣры во все хорошее. Пока будутъ существовать люди и возможенъ станетъ для нихъ прогрессъ, они никогда не въ состояніи будутъ создать себѣ иного идеала. Прогрессъ и будетъ заключаться въ томъчто они лучше поймутъ, что такое добро и истина, и меньше чѣмъ теперь станутъ увлекаться тѣмъ преходящимъ, что составляетъ въ жизни тѣло.

И чѣмъ далѣе, тѣмъ человѣчество будетъ все болѣе приближаться не къ идеалу Нитше—этому послѣднему слову моды нашихъ дней, къ ученью философа, въ афоризмахъ котораго заключается много ума и блеска, но ученію болѣе оригинальному, чѣмъ вѣчному, и въ концѣ концовъ только оригинальному.

Глубоко то, что Нитше говоритъ о страданіи, когда онъ выражается такъ:

„Вы хотите, по возможности, устранить страданія, вы стремитесь къ благополучію людей. Да вѣдь благополучіе, какъ вы его понимаете—вѣдь это не цѣль, это *конецъ*, состояніе, которое сдѣлаетъ человѣка смѣшнымъ и презрѣннымъ, которое заставитъ желать его погибели. Школа страданія, великаго страданія, создавала до сихъ поръ все великое въ человѣкѣ. Это *напряженіе души* въ несчастіи, которое выращиваетъ въ немъ силу, этотъ трепетъ ея передъ зрѣлищемъ

Digitized by Google

великой погибели, ея изобрѣтательность и мужество въ терпѣніи и перенесеніи несчастья, ея умѣнье истолковать и употребить несчастье въ свою пользу и *все, что ей когда либо было даровано*—умъ, притворство, изворотливость, таинственность, глубина и величіе—все это было даровано ей среди страданій, въ школѣ и выправкѣ великихъ страданій [1]).“

Интересна его новая заповѣдь, тотъ *послѣдній завѣтъ*, который онъ влагаетъ въ уста своего идеала и двойника Заратустры.

„Зачѣмъ вы *такъ мяки*, мои братья *такъ уступчивы*? Зачѣмъ такъ много отрицанія и отреченія въ вашемъ сердцѣ, такъ мало рока въ вашихъ взорахъ? Вѣдь если вы не захотите быть рокомъ, быть неумолимыми, какъ можете вы нѣкогда побѣдить со мною? Вѣдь всѣ творящіе тверды. И блаженствомъ должно вамъ быть—на тысячелѣтіяхъ отпечатлѣть вашу руку, какъ на воскѣ—на волѣ тысячелѣтій начертать письмена, какъ на бронзѣ—*тверже бронзы, благороднѣе бронзы. Совершенно твердо только благороднѣйшее*. Эту новую скрижаль ставлю я передъ вами, мои братья: *будьте тверды*“ [2]).

Но для чего надо быть твердымъ? По мнѣнію Ницше, прогрессъ долженъ заключаться въ томъ, чтобы родъ человѣческій сталъ могущественнѣе и благороднѣе, такъ сказать, аристократичнѣе. Въ этомъ и былъ бы идеалъ, если бъ. Ницше не проповѣдывалъ возвеличенія отдѣльныхъ личностей на счетъ осталь-

---

[1]) „Вопросы философіи и психологіи“, кн. 15, ст. Преображенскаго Фридрихъ Ницше, стр. 154.

[2]) Тамъ же, стр. 156.

Digitized by Google

ныхъ, тѣхъ, кого онъ сравниваетъ съ дубами, вокругъ которыхъ вьются растенія, о комъ онъ говоритъ, что нельзя не предпочитать колоколовъ съ полнымъ звукомъ колоколамъ съ звукомъ надтреснутымъ или людей высшихъ „неяснымъ расплывчатымъ копіямъ великихъ людей, отпечатанныхъ на плохой бумагѣ стертыми клише“ [1]).

И для такихъ—то высшихъ людей прочіе не собратья, а лишь пушечное мясо, годное для ихъ питанія съ цѣлью возвеличенія. Таковъ „сверхчеловѣкъ“, если перевести не совсѣмъ удачно слово Uebermensch; потому что смыслъ нашего „сверхъ“ уже смысла „über“.

Сверхчеловѣкъ есть смыслъ земли, пусть ваша воля скажетъ: „да будетъ сверхчеловѣкъ смысломъ земли“, говоритъ Заратустра [2]).

По мнѣнію Ницше, состраданіе не только удвоиваетъ собственныя страданія, но вовсе не облегчаетъ положеніе того, кого жалѣютъ, а напротивъ, обнажаетъ чужое страданіе отъ его собственнаго личнаго характера [3]) и его слѣдовательно опошляетъ.

Ницше доходитъ до того, что даже считаетъ обратною стороною состраданія „иногда глубокую враждебность къ всякой радости ближняго“, и думаетъ, что люди слишкомъ воспріимчивые къ состраданію рѣдко когда способны сочувствовать чужой радости“ [4]).

„Мы, теперешніе люди, съ своею бабьею моралью

---

[1]) Стр. 151.
[2]) Стр. 150.
[3]) Стр 129.
[4]) Стр. 132.

Digitized by Google

или моралью стадныхъ животныхъ [1]) закутаны въ гуманность, какъ въ толстый слой ваты [2]), по его выраженію. Сильныя времена, высокія и величественныя культуры видятъ въ состраданіи, въ любви къ ближнимъ и въ отсутствіи личности и чувства этой личности нѣчто презрѣнное. Времена нужно измѣрять по ихъ *положительнымъ силамъ*, и тутъ время возрожденія, столь расточительное, столь роковое и полное опасности оказывается послѣднимъ *великимъ* временемъ, а мы, новѣйшіе люди, съ нашею боязливою заботливостью о самихъ себѣ и любовью къ ближнимъ, съ нашими добродѣтелями трудолюбія, непритязательности, любви къ законности, научности—мы собирающіе, копящіе, экономные и машиноподобные—мы оказываемся *слабымъ* временемъ, а наша добродѣтель обусловлена, вызвана нашею слабостью [3]).

И все новое, все то, что двигаетъ впередъ человѣчество, всегда бываетъ злымъ, доброе только старое, иначе слабое, пассивное.

Ницше не имѣлъ бы собственно права говорить о добрѣ и о злѣ, потому что понятія эти не служатъ для него нормами, и онъ считаетъ возможнымъ перенестись на ту сторону добра и зла [4]), въ то Jenseits, удержаться гдѣ оказывается не подъ силу и этому высшему человѣку. И проповѣдь философа является только выраженіемъ высшаго эгоизма, эгоизма столь же блестящаго, какъ и утонченнаго. Его сверхчело-

---

[1]) Стр. 131.
[2]) Стр. 158.
[3]) Стр. 159.
[4]) Стр 162.

Digitized by Google

вѣкъ эгоистъ изъ эгоистовъ, онъ сверхъэгоистъ, а потому и лишній и ненужный человѣкъ, если злоупотребить не совсѣмъ удачнымъ переводомъ слова „Uebermensch„.

Появленіе такого эгоиста было бы возвращеніемъ къ тому самому состоянію животности, отъ котораго мы освобождаемся вѣковыми усиліями, противъ чего мы именно и боремся.

И идеаломъ никогда не можетъ стать эгоизмъ, въ какую бы красивую форму ни сумѣлъ облечь его этотъ модный апостолъ нашихъ дней, какъ бы занявшій теперь то мѣсто, которое еще недавно принадлежало Шопенгауеру и Гартману, и мѣсто, которое окажется для него, по всей вѣроятности, еще болѣе непрочнымъ, потому что нагой эгоизмъ еще менѣе можетъ стать чѣмъ-либо цѣннымъ для человѣчества, чѣмъ то былъ эгоизмъ ненагой, облеченный въ форму пессимизма настроенія или этическаго франкфуртскимъ пессимистомъ Шопенгауеромъ и обратившійся въ пессимизмъ эволюціонный, благодаря произведеніямъ Эдуарда фонъ Гартмана.

И какъ будто развѣнчаны теперь тѣ, которымъ такъ недавно еще поклонялись за то, что они пессимисты, передъ кѣмъ благоговѣли, когда они учили сторониться отъ жизни, ее бояться, а сами... сами ее любили, — любили, сознавая собственную свою непослѣдовательность, то, что они грѣшатъ тѣмъ, что любятъ, когда проповѣдуютъ ненависть.

И это была не та любовь, которая смѣло смотритъ въ глаза жизни, безбоязненно идетъ навстрѣчу ея дурнымъ сторонамъ и идетъ, чтобы побѣждать то,

Digitized by Google

что слабо, когда его не боишься, что перестаетъ быть зломъ, когда ему не осилить добра.

Это та любовь, которой не знали ни Шопенгауеръ, ни Гартманъ и надъ которою смѣется Ницше, а она-то лучшее, что есть на землѣ!

И жить можно тому, кто любитъ это лучшее, кому еще дорогъ тотъ огонекъ, которымъ мы однимъ только живы. Онъ одинъ можетъ согрѣть и освѣтить, заставить полюбить жизнь и дать жить другимъ.

Это высшій идеалъ, и другого высшаго никогда не будетъ и не можетъ быть.

Digitized by Google

II.

ИЗЪ ОБЛАСТИ МЕТАФИЗИКИ.

Случается иногда, что намъ очень трудно дать опредѣленіе предмету или отвѣтить на вопросъ почему? Отчего это такъ трудно? Мы обыкновенно не задумываемся надъ тѣмъ, что имѣемъ въ этихъ случаяхъ дѣло съ философіею, именно съ тою частью философіи, которая носитъ названіе метафизики. Мы гораздо чаще бываемъ метафизиками, чѣмъ намъ это приходитъ въ голову. Опредѣлить предметъ—это узнать его сущность, отвѣтить на вопросъ почему—это указать основаніе. Обыкновенная жизнь наша проходитъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло со столомъ, какъ столомъ, сущность котораго заключается для насъ въ томъ, что онъ намъ служитъ, и съ причиною, почему онъ сломанъ. Не такія сущности и не такія причины составляютъ предметъ метафизики. Метафизика изслѣдуетъ сущность и начала или основанія вещей и явленій, которыя перестали быть вещами и явленіями въ нашемъ смыслѣ слова и обратились въ вещи и явленія въ

Digitized by Google

смыслѣ слова философскомъ, т.-е. утратили всѣ свои, такъ сказать, личныя или конкретныя черты и сохранили потому только черты отвлеченныя, стали отвлеченностями. Все то, что существуетъ въ пространствѣ, вещь; все то, что существуетъ во времени явленіе. А что такое пространство и время—это вопросъ метафизики, потому что пространство и время—сущность вещей и явленій, и всякій вопросъ о сущности является кореннымъ вопросомъ метафизики. Можно ли сказать, что такое время и пространство? Всѣ вопросы метафизики обладаютъ одною общею чертою—это вопросы неразрѣшимые, и на обыкновенный взглядъ остается только поставить точку и ихъ бросить. Разъ, что они неразрѣшимы, то всего проще ихъ и не разрѣшать! Это будетъ самое простое разрѣшеніе неразрѣшимыхъ вопросовъ и отрицаніе всей той области человѣческаго знанія, развитіе которой шло всегда рука объ руку съ успѣхами науки, именно отрицаніе философіи. Что можетъ болѣе пробуждать нашу пытливость, какъ именно это соприкосновеніе съ бездною, какою являются вѣчные, такъ называемые проклятые вопросы человѣчества или вселенной, эти вопросы, неразрѣшимость которыхъ была въ буквальномъ смыслѣ слова философскимъ камнемъ въ жизни человѣчества и оплотомъ развитія наукъ?

Всѣ науки обязаны своимъ происхожденіемъ философіи—гипотезы первыхъ философовъ, „не знаю“ Сократа, абсолютный духъ Гегеля сами по себѣ не капиталъ, но это ключи. Философія всегда останется ключомъ къ знанію, и сколько бы мы ни накопили еще капиталовъ, отворять ихъ будетъ всегда философія, и всегда найдутся люди, которые съ презрѣніемъ будутъ

Digitized by Google

проходитъ мимо ключа и искать бумажекъ—цѣнности мѣновой, того, что быстро обращается въ хлѣбъ, когда имъ хочется ѣсть. Всегда найдутся другіе люди, для которыхъ эти ключи къ знанію будутъ лучшимъ, что создало человѣчество, и которые не станутъ требовать отъ ключа, чтобы онъ былъ рублемъ—не будутъ подходить къ неразрѣшимымъ вопросамъ, желая ихъ сдѣлать непремѣнно разрѣшимыми, и поймутъ, какъ дороги и цѣнны намъ эти вопросы именно тѣмъ, что заставляютъ подниматься надъ разрѣшимымъ, какъ дорожимъ мы всегда тѣмъ, что отрываетъ насъ отъ фактовъ—въ философіи нѣтъ фактовъ, а есть нѣчто гораздо болѣе цѣнное, чѣмъ факты. Философія, какъ обобщеніе всѣхъ наукъ, поднимаетъ насъ надъ жизнью, объясняетъ намъ наше призваніе. Она вся стремленіе, и сущность нашей жизни, наше призваніе стремленіе.

Когда мы дорожимъ этимъ лучшимъ, то любимъ и философію, отрывающую насъ отъ простаго, извѣстнаго—отъ поверхности, ставящую насъ лицомъ къ лицу съ бездною. Кто подошелъ къ этой безднѣ, для того утратила всякій интересъ поверхность: онъ знаетъ, что она такое, и знаетъ потому нѣчто совсѣмъ иное, чего не въ состояніи дать ему всѣ иныя знанія,—онъ считаетъ, что знаетъ нѣчто положительное, если и не разгадалъ бездны, и онъ понимаетъ, что разгадать ее нельзя. Тотъ, кто ее разгадалъ, не можетъ уже больше жить! Что будетъ жизнь того, кому открылись всѣ тайны? Такой человѣкъ не принадлежитъ больше къ міру, и ему нѣтъ мѣста въ мірѣ!

Тотъ неразрѣшимый вопросъ, о которомъ я хочу сказать нѣсколько словъ,—это вопросъ о томъ, что такое свобода? Повидимому, мы всѣ знаемъ, что такое

Digitized by Google

свобода, мы всѣ ее постоянно жаждемъ. Нѣтъ вѣдь другого слова, которое бы мы употребляли такъ часто, и слова, которое бы мы знали такъ мало.

Что такое свобода или что мы понимаемъ подъ свободою? Спросить такъ или иначе вѣдь все равно, потому что всякое наше субъективное опредѣленіе или то, что мы понимаемъ подъ свободою, является вмѣстѣ съ тѣмъ и объективнымъ, т.-е. тѣмъ, что такое свобода!

Мы такъ уже созданы, такова уже наша особенность, что мы считаемъ то, что мы понимаемъ, тѣмъ, что есть. Человѣкъ никакъ не можетъ освободиться отъ личины субъективности, не въ состояніи выйти изъ своего я. Сужденія наши гораздо болѣе субъективны, чѣмъ мы обыкновенно отдаемъ себѣ въ томъ отчетъ. Этимъ нашимъ я мы и окрашиваемъ весь міръ, сквозь такія цвѣтныя очки мы всегда и смотримъ. И мы вѣдь не довольствуемся тѣмъ, что судимъ субъективно, но и навязываемъ эти свои субъективныя воззрѣнія міру, хотимъ вездѣ видѣть то, что привносимъ въ міръ сами.

Таковъ ли міръ, какимъ мы его себѣ представляемъ? Вѣдь помимо нашихъ чувствъ мы не можемъ о немъ судить, потому что находимся въ зависимости отъ этихъ своихъ чувствъ, а наши чувства ограничены— они не совершенны и могутъ давать только извѣстнаго рода ощущенія. Тѣмъ же, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, далеко не исчерпывается все содержаніе міра..

Помимо же нашихъ чувствъ, у насъ нѣтъ никакого иного соприкосновенія съ міромъ, а потому и нельзя не спросить, судимъ ли мы вѣрно, знаемъ ли мы все

Digitized by Google

то, что есть на самомъ дѣлѣ. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что мы знаемъ только извѣстную и это небольшую долю того, что существуетъ. Такъ уже микроскопъ и телескопъ даютъ намъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ мы мало знаемъ, а микроскопъ и телескопъ только расширяютъ наши собственныя чувства—это нами-же созданныя орудія.

Разъ, что наше соприкосновеніе съ міромъ ограничено нашими чувствами, то мы и не можемъ знать, что такое предметы сами по себѣ или въ чемъ заключается ихъ сущность, и открытымъ остается вопросъ, существуетъ ли эта самая сущность? Вопросъ о сущности является кореннымъ вопросомъ метафизики, потому что къ тому, что такое сущность, и сводится всякій вопросъ о началѣ и концѣ. Знать начало и конецъ—это знать сущность. Мы не знаемъ ни начала конца міра, не знаемъ и его сущности.

Итакъ, коренной вопросъ метафизики заключается въ томъ, существуетъ ли только то, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, или же есть еще что-либо другое, намъ недоступное.

Это тотъ самый страшный сфинксъ, который когда-либо создавало наше воображеніе, и никакой Эдипъ не въ состояніи разрѣшить этой загадки. Это сфинксъ нашего разума и коренной вопросъ философіи нашего времени, той ея части, которая теперь занимаетъ мѣсто, прежде принадлежавшее метафизикѣ. Эта часть философіи носитъ названіе теоріи познанія и получила свое развитіе лишь не такъ давно.

Итакъ, когда мы разрѣшаемъ вопросъ о свободѣ, какъ вопросъ метафизическій, то мы говоримъ о томъ, что такое въ сущности свобода.

Digitized by Google

Поверхность же свободы мы всѣ знаемъ. Я называю поверхностью свободы, когда мы убѣждены въ томъ, что если бы не находились въ зависимости отъ извѣстныхъ обстоятельствъ—этихъ тирановъ нашей жизни, то не были бы тѣмъ, что мы теперь, считаемъ, что теперь мы несвободны и, слѣдов., несчастны, будь мы свободны, то были бы счастливы. Когда мы такъ разсуждаемъ, то менѣе всего думаемъ о томъ, что такое въ сущности свобода, именно не задумываемся надъ тѣмъ, что смыслъ свободы отрицательный, а не положительный!

Вдумаемся въ смыслъ своихъ изреченій о свободѣ. Вспомнимъ, въ какомъ смыслѣ мы обыкновенно употребляемъ это понятіе. Мы говоримъ „я иду гулять, я свободенъ“, т.-е. у меня нѣтъ дѣла. Мы не говоримъ „я сегодня не ѣду въ театръ, я свободенъ“, не говоритъ этого, конечно, зритель, а говоритъ только актеръ.

Отсюда не трудно прійти къ тому заключенію, что всякая обязанность лишаетъ насъ свободы, что свобода — это свобода отъ обязанностей, иначе свобода ничего не дѣлать. Всякое удовольствіе, наоборотъ, не только не лишаетъ насъ свободы, но въ немъ вѣдь и заключается наша свобода.

И потому, чѣмъ меньше у насъ обязанностей, чѣмъ пустѣе наша жизнь, тѣмъ больше у насъ свободы. Вѣдь такъ?

Когда я говорю о томъ, что нѣтъ ничего лучше свободы, то обыкновенно думаю о томъ, что нѣтъ ничего тяжелѣе обязанностей.

И когда мы жаждемъ свободы, то обыкновенно хотимъ освободиться отъ своихъ обязанностей, сбро-

Digitized by Google

сить съ себя то, въ чемъ заключается смыслъ жизни, и тогда смысла у нея будетъ меньше, чѣмъ теперь. Вѣдь человѣкъ, который освободился отъ всѣхъ своихъ обязанностей — этотъ самый свободный человѣкъ будетъ въ то же самое время и самымъ ненужнымъ человѣкомъ—онъ только лишній. У него нѣтъ обязанностей, а есть только удовольствія, и жизнь его потому безсмысленна и безцѣльна. Удовольствія хороши только, какъ отдыхъ, тому, кто не работаетъ, не нужно отдыха.

Но работаетъ ли въ большинствѣ случаевъ человѣкъ, когда онъ не обязанъ этого дѣлать? Всякая работа тяжела, и если мы даже любимъ дѣло, то все же оно сопряжено съ извѣстною долею мученія и самопожертвованія, и всегда дѣлать будетъ не тѣмъ, что ничего не дѣлать. Когда человѣкъ свободенъ и можетъ работать и не работать, онъ обыкновенно не работаетъ, потому что заставить себя самому труднѣе, чѣмъ зависѣть отъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ.

Другою заманчивою чертою свободы представляется то, что свободный человѣкъ никому не подчиненъ и ни отъ кого не зависитъ—онъ самъ себѣ господинъ.

И при этомъ обыкновенно не думаютъ, что самое трудное, что есть,—это управлять собою и что управлять гораздо труднѣе, чѣмъ подчиняться!

А чѣмъ человѣкъ свободнѣе и болѣе зависитъ отъ себя, тѣмъ болѣе нужно ему управлять собою. Чѣмъ менѣе приходится ему ссылаться на зависимость отъ другихъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ ему думать, чтобы распоряжаться своими дѣйствіями и устраивать жизнь по своему усмотрѣнію.

Digitized by Google

Вѣдь, чѣмъ меньше преградъ, тѣмъ потому не легче, а труднѣе, потому что выбрать изъ 10-ти дорогъ одну гораздо труднѣе, когда свободны всѣ, чѣмъ когда девять дорогъ съ барьеромъ и можно итти только по одной.

Если кто возмущается тѣмъ, что есть преграды, то онъ обыкновенно не задумывается надъ тѣмъ, сумѣлъ ли бы онъ дѣйствительно выбрать, куда ему итти, если бы барьеры были сняты.

Какъ утѣшить себя, если изъ 10-ти незапертыхъ, дорогъ пришлось тѣмъ не менѣе выбрать не лучшую? А никто и ничто не мѣшали, нельзя винить обстоятельства, а только самого себя.

Вѣдь легче, когда выборъ не такъ труденъ?

И потому, чѣмъ человѣкъ свободнѣе, тѣмъ передъ нимъ больше дорогъ, и ему потому не легче, а труднѣе.

Мысль о свободѣ соединяется обыкновенно съ мыслею о счастьѣ. Мы хотимъ быть свободны, чтобы быть счастливыми. Но что понимаемъ мы въ такомъ случаѣ подъ счастьемъ?

Мы обыкновенно соединяемъ съ мыслью о счастьѣ обладаніе всевозможными благами—это вѣдь, выражаясь афористически, выиграть 200 тысячъ?

Если же мы вникнемъ въ свою природу, то увидимъ, что самое понятіе о счастьѣ не соотвѣтствуетъ тому, что намъ доступно въ силу нашего человѣчества. То, что мы стремимся къ счастью—это лишь иллюзія, скрашивающая нашу жизнь. Счастья нѣтъ, и не можетъ быть, потому что мы обыкновенно понимаемъ подъ счастьемъ то, что идетъ въ разрѣзъ съ коренными нашими свойствами.

Digitized by Google

Мы понимаемъ подъ счастьемъ обладаніе чѣмъ-то твердымъ и постояннымъ, а жизнь наша измѣненіе, какъ жизнь физическая, она стремленіе, какъ жизнь умственная и нравственная.

Глубоко было потому то слово Гераклита, что „все течетъ, и нѣтъ ничего постояннаго". Совершенно вѣрно, что постояннаго гораздо меньше, чѣмъ мы это думаемъ, когда считаемъ счастье тѣмъ, чѣмъ мы его считаемъ. Это-то обладаніе чѣмъ-то твердымъ и прочнымъ намъ именно и недоступно. Мы можемъ лишь стремиться, а не обладать. Сущностью нашей природы является не обладаніе, а стремленіе. Мы не отдаемъ себѣ отчета въ томъ, что такова наша сущность, когда хотимъ того, чего намъ вовсе не нужно.

Разъ же, что мы въ этомъ убѣждаемся, то и примиряемся съ несовершенствами жизни. Мы знаемъ, что корень этихъ несовершенствъ мы сами, а то, что мы понимаемъ подъ счастьемъ, не существуетъ вовсе.

И стоитъ ли жить? Такъ ли плоха жизнь, какъ намъ это кажется въ извѣстныя минуты?

Когда въ эти минуты мы постигаемъ ничтожество, это лучшія минуты нашей жизни. И когда онѣ прошли, мы больше не можемъ удовлетворяться поверхностью жизни, мы поняли, что жизнь есть нѣчто гораздо болѣе глубокое и интересное и что смыслъ ея не въ счастьѣ.

Интересъ жизни въ томъ, чтобы отдать себѣ отчетъ, что мы такое, понять отношеніе человѣка ко вселенной, цѣль — не дать погаснуть тому лучшему, что въ насъ живетъ, огоньку истины и добра. Истина и есть добро, и добро истина—они сливаются и

Digitized by Google

отождествляются, и между ними нѣтъ противорѣчія.

И безконечны потому наши задачи!

Возвращаясь къ смыслу слова свобода, скажу, что подъ свободою слѣдовало бы понимать не свободу отъ обязанностей, а свободу отъ наслажденій, не свободу отъ другихъ, а свободу отъ самихъ себя или умѣнье собою управлять.

Свобода въ смыслѣ умѣнья собою управлять называется свободою воли.

Вопросъ о свободѣ воли распахиваетъ передъ нами двери не одной метафизики, но и психологіи, и этики. Но прежде чѣмъ говорить о свободѣ воли, надо спросить, что такое въ сущности воля? Вопросъ о сущности воли находится въ непосредственной связи съ вопросомъ о сущности ея свободы.

Есть ли у насъ отдѣльная способность воля? Можно ли отдѣлить наше я отъ воли?

Психологія прежняго времени или психологія умозрительная гораздо точнѣе и съ большею увѣренностью раздѣляла человѣка по клѣточкамъ, раскассировывала въ немъ умъ, разсудокъ, разумъ, чувство и волю, чѣмъ это можетъ и желаетъ дѣлать психологія новѣйшая или эмпирическая. Эмпирическая психологія исходитъ изъ того безспорно вѣрнаго положенія, что человѣкъ представляетъ нѣчто цѣлостное, и что часто очень трудно указать границы между различными способностями и въ каждомъ данномъ случаѣ сказать, дѣйствовали ли умъ, сердце или воля. Идеаломъ психологіи является познать эту цѣлостность, какъ идеаломъ человѣка ее въ себѣ выработать. Дѣло въ томъ, что чѣмъ сложнѣе организмъ или чѣмъ развитѣе способности, тѣмъ больше всякая

Digitized by Google

способность стремится къ тому, чтобы взять перевѣсъ надъ другими, тѣмъ живѣе ихъ борьба, тѣмъ больше усилій надо употребить къ тому, чтобы привести ихъ къ одному знаменателю и тѣмъ труднѣе управлять ими по своему усмотрѣнію, или по своей волѣ. Когда я говорю управлять способностями по своему усмотрѣнію, или по своей волѣ, то отождествляю усмотрѣніе, разумѣніе или разумъ и волю, именно я сомнѣваюсь въ томъ, что у насъ существуетъ отдѣльная способность воля, которая можетъ не быть въ связи съ разумомъ. Мы обыкновенно понимаемъ подъ волею нѣчто слишкомъ узкое, именно извѣстное влеченіе къ обладанію чѣмъ-либо. И при этомъ мы противополагаемъ волю уму въ томъ смыслѣ, что считаемъ волю чѣмъ-то низшимъ въ сравненіи съ умомъ, полагаемъ, что воля не управляется разумомъ, что она дѣйствуетъ въ сторону инстинкта: это влеченіе къ удовлетворенію страстей, какъ разумъ, наоборотъ, противодѣйствіе страстямъ. Психологія заключаетъ въ себѣ поправку этого взгляда, потому что различаетъ волю низшую, ту самую волю, о которой идетъ рѣчь, и волю высшую или сознательную, которая управляется разумомъ, ему подчинена: это та воля, которая знаетъ, почему она хочетъ, а не хочетъ только потому, что хочетъ. Воля эта является обобщеніемъ нашихъ способностей, ихъ итогомъ. Выработать въ себѣ такую волю или знать, почему хочешь, это значитъ быть человѣкомъ или стать имъ, а не только родиться.

Хочетъ ли воля или человѣкъ? Ясно, что поставить этотъ вопросъ значитъ сознать, что хочетъ не воля, а что хочетъ человѣкъ. Воля не составляетъ всего

Digitized by Google

моего я, разъ что она одна изъ способностей. Если же воля является объединеніемъ всѣхъ моихъ способностей, то хочетъ опять-таки не она, а я. Я же хочу, потому что во мнѣ находятся извѣстныя способности, а онѣ-то и направляются извѣстнымъ образомъ.

Почему онѣ направляются такъ, а не иначе, зависитъ, въ свою очередь, отъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, въ которыя я поставленъ, и всякое мое дѣйствіе является выходомъ изъ того положенія, въ которомъ я нахожусь, и выходомъ сообразнымъ съ тѣмъ, что я привношу, чтобы выйти. Я выхожу такъ, какъ могу,—могу выйти такъ, а не иначе, потому что обладаю тѣми, а не иными способностями или свойствами и не могу направить ихъ иначе. Я могу выработать ихъ въ себѣ, но поступить въ данномъ случаѣ иначе я не въ состояніи. Всякое мое дѣйствіе есть выходъ и выходъ необходимый. У меня всегда одна дверь. Но дѣло въ томъ, что я никогда не знаю, что дверь одна и гдѣ она. Для того, чтобы найти эту дверь, мнѣ надо много думать, такъ какъ для меня это всегда одна изъ многихъ дверей, и въ каждомъ данномъ случаѣ мое рѣшеніе представляетъ результатъ весьма многихъ данныхъ, и не въ моихъ рукахъ сдѣлать ихъ иными, когда мнѣ приходится выбирать. Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше прихожу къ убѣжденію, что дверь одна, и иногда нахожу ее не думая, иногда послѣ многихъ колебаній и борьбы.

Если посмотрѣть со стороны, то человѣкъ не могъ поступить иначе, но на своемъ то мѣстѣ онъ именно не можетъ такъ смотрѣть—ему предоставлена свобо-

Digitized by Google

да выбора, онъ отыскиваетъ сильнѣйшіе мотивы, а не мотивы его, онъ играетъ активную роль, а не пассивную. Такова одна изъ аксіомъ нашей жизни.

Но объявить, что человѣкъ не могъ поступить иначе, не значитъ оправдать его, если онъ поступилъ нехорошо. Очень грустно, что онъ не могъ не украсть, не сказать дурно о другихъ,—его отвѣтственность потому не меньше, а больше, когда поступокъ является результатомъ многихъ данныхъ, и данными служатъ и тѣ способности, и навыки, которые развиваетъ въ себѣ самъ человѣкъ.

Отъ этого детерминизмъ—тотъ взглядъ, о которомъ идетъ рѣчь, не снимаетъ съ насъ отвѣтственности въ нашихъ дѣйствіяхъ. Быть детерминистомъ не значитъ оправдывать дурное и считать безнравственный поступокъ нравственнымъ. Быть детерминистомъ это только видѣть болѣе сложное явленіе тамъ, гдѣ индетерминизмъ рѣшаетъ вопросъ проще и легче.

Въ средніе вѣка начинается и черезъ всю исторію новой философіи проходитъ споръ детерминизма съ индетерминизмомъ. Детерминизмъ отвергаетъ свободу воли, индетерминизмъ ее признаетъ. Оба воззрѣнія выставляютъ положенія, которыя одинаково безспорны, если не взглянуть на вопросъ шире и съ иной точки зрѣнія. Оба воззрѣнія замыкаются каждое въ своемъ кругу и не хотятъ выйти изъ этихъ круговъ, которые дѣйствительно оказываются заколдованными.

И ясно, какъ сложенъ вопросъ о свободѣ воли, если уже самое понятіе свободы совсѣмъ не такъ просто, какъ это обыкновенно кажется, а также и подъ волею понимаютъ далеко не всегда одно и то же.

Вопросъ о свободѣ воли представляется обыкновен-

Digitized by Google

но въ слѣдующей элементарной формѣ: свободна ли воля, или не свободна, можетъ ли человѣкъ управлять ею по своему усмотрѣнію, т.-е. независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или же находится онъ отъ нихъ въ зависимости?

Какъ бы мы ни поступали, мы никогда не дѣлаемъ этого безъ причины или безъ мотива. Если взять волю въ этомъ смыслѣ, то она несвободна или небезпричинна.

Общій законъ, управляющій природою, и законъ, вложенный, по моему мнѣнію, въ природу человѣкомъ, такъ какъ мы никакъ не можемъ разстаться съ личиною субъективности, законъ общій для всего существующаго тотъ, что ходъ жизни во вселенной можетъ быть объясненъ лишь съ помощью причинности и человѣкъ съ своими поступками не можетъ составлять исключенія. Человѣкъ является частью вселенной, и онъ, слѣдов., подчиняется общему закону.

Въ каждомъ данномъ случаѣ, когда мы поступаемъ такъ, а не иначе, берутъ верхъ такіе или иные мотивы. Не можетъ быть одного отвѣта на всѣ случаи, надо всякій разъ разобрать, какіе мотивы взяли верхъ: внутренніе или внѣшніе, иначе выражаясь при помощи гипотезы—сила матеріи или сила духа.

Чего нельзя отрицать, такъ это того, что воля опредѣляется мотивами. Если взглянуть на человѣка со стороны или стать на объективную точку зрѣнія, то ясна роль человѣка во вселенной, какъ и роль мотивовъ въ его жизни.

И правы детерминисты, потому что считаютъ человѣка звеномъ вселенной и не допускаютъ для него исключенія изъ общаго правила.

Digitized by Google

Но отсюда еще не слѣдуетъ, что, если стать на точку зрѣнія самого человѣка, мы не обязаны задумываться надъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ поступать, избавлены отъ всякаго размышленія о своей жизни и что, слѣдов., нами управляетъ судьба.

Вѣдь для того, чтобы найти въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшеніе, поступить такъ, а не иначе, мы должны взвѣсить всѣ мотивы и такимъ образомъ только и находимъ то самое рѣшеніе, которое, если взглянуть со стороны или стать на объективную точку зрѣнія, и является для насъ ниобходимымъ. Намъ же оно не дастся само собою.

Какъ бы мы ни поступили, окажемся ли мы рабами обстоятельствъ или ихъ творцами,—все же выборъ является для насъ цѣлою работою. Мы свободны выбирать, если посмотрѣть со стороны.

И правы, слѣдов., индетерминисты, признавая, что нашъ выборъ свободенъ, и придавая этому процессу, то нравственное значеніе, которое онъ безспорно имѣетъ.

Неправы же они въ томъ отношеніи, что какъ будто забываютъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при извѣстномъ развитіи человѣкъ не могъ поступить иначе. Для того же, чтобъ найти это рѣшеніе, отыскать мотивъ, который въ данномъ случаѣ является сильнѣйшимъ, сыграть свою роль звена въ общей цѣпи, человѣкъ не можетъ не размышлять.

Будетъ глубокою ошибкою сказать, что ему не нужно думать, потому что онъ все равно долженъ поступить такъ, а не иначе.

Только размышляя и взвѣшивая, и можно найти нужное рѣшеніе, если же махнуть на все рукою—это

Digitized by Google

значитъ быть ниже животнаго. Вѣдь и собака и лошадь выбираютъ въ своей сферѣ дѣятельности, узкой въ сравненіи съ нашей!

Итакъ, детерминисты правы, когда они утверждаютъ, что наше желаніе поступить такъ, а не иначе является однимъ изъ мотивовъ, индетерминисты, когда говорятъ, что разъ, мы поступаемъ такъ, какъ того желаемъ, нами руководитъ не слѣпая воля и наша воля, слѣдов., свободна.

Индетерминисты неправы, когда обвиняютъ детерминистовъ въ томъ, что детерминисты отрицаютъ нравственность, думаютъ, что человѣкъ невиноватъ, уступая сильнѣйшему мотиву, что не въ его власти поступить иначе, и съ него снимается вслѣдствіе того всякая нравственная отвѣтственность за его поступокъ.

Изъ детерминизма вовсе не слѣдуетъ, что съ человѣка снимается нравственная отвѣтственность за его поступокъ. Человѣкъ виноватъ тѣмъ, что не развилъ въ себѣ иныхъ и лучшихъ стремленій, и что мотивы безнравственные оказались для него мотивами сильнѣйшими.

Человѣкъ, каковъ онъ теперь есть, дѣйствительно не могъ поступить иначе, но въ его рукахъ вѣдь развить въ себѣ иныя и лучшія стремленія и сдѣлать ихъ мотивами сильнѣйшими, и потому детерминизмъ, какъ я его понимаю, вовсе не беретъ подъ свою защиту безнравственность, и быть детерминистомъ не значитъ снимать съ себя отвѣтственность въ своихъ дѣйствіяхъ, каковы бы они ни были.

Быть детерминистомъ—это значитъ только оставаться на почвѣ опыта, потому что детерминизмъ не раз-

Digitized by Google

рываетъ нашей связи со вселенной, не отрицаетъ существованія всеобщаго закона и не допускаетъ никакого исключенія для тѣхъ, которые сами по себѣ ничто и являются лишь однимъ изъ звеньевъ вселенной, а не ея итогомъ.

Быть детерминистомъ, это не хотѣть исключенія тамъ, гдѣ исключеніе немыслимо.

Но недостаточно сознать связь человѣка со вселенной, не надо забывать также и того, что вселенная развивается, развивается и совершенствуется и человѣкъ, ничто не остается въ томъ же положеніи, все течетъ и постояннаго нѣтъ ничего, какъ это такъ хорошо сказалъ Гераклитъ. И чѣмъ больше развивается человѣкъ, тѣмъ нравственнѣе дѣлаются его мотивы, тѣмъ ближе онъ къ правдѣ и тѣмъ дальше отъ природы, не знающей правды. Человѣкъ—это носитель истины и добра,—ихъ представитель на землѣ.

Человѣкъ родится каплею природы, человѣкъ умираетъ тѣмъ, что сдѣлалъ изъ себя самъ. Сознать это свое призваніе,—это итти по дорогѣ къ лучшему будущему. Поставить на первый планъ не счастье, а исполненіе своего призванія лучшее, что есть на землѣ.

Digitized by Google

III.

АФОРИЗМЫ.

1.

Жить, чтобы работать, а не работать, чтобы жить.

Большинство людей живетъ для того, чтобы прожить, а работаетъ, чтобы не умереть съ голода. Тотъ живетъ, чтобы работать, кому нельзя прожить иначе не потому, чтобы онъ умеръ съ голода, а только потому, что въ этой работѣ заключается смыслъ его жизни.

Онъ не работаетъ, чтобы жить.

2.

Жить, чтобы думать, и думать, чтобы жить.

3.

Довольствоваться малымъ хорошо, не хотѣть большаго—зло.

Digitized by Google

4.

Люди больше цѣнятъ зло, чѣмъ добро, потому что зло имѣетъ, по ихъ мнѣнію, источникомъ силу, добро же слабость. Случается же чаще, что тотъ, кто имѣетъ силу сдѣлать зло, дѣлаетъ добро, тотъ, кто слабъ, —зло.

5.

Тотъ, кто прощалъ много разъ, долженъ попробовать разъ не простить—онъ сдѣлаетъ больше добра, чѣмъ прощая.

Прощать не значитъ забывать.

Кто прощаетъ, потому что забылъ, не простилъ.

Простить—это стать выше.

6.

Лучше быть всегда одному, чѣмъ всегда въ обществѣ.

7.

Нельзя знать себя, потому что нельзя знать всего того, что можетъ случиться, и всякое новое обстоятельство раскрываетъ въ насъ новыя черты.

Тотъ, кто думаетъ, что себя знаетъ, испыталъ очень мало.

Digitized by Google

8.

Не любить другихъ какъ себя, а себя какъ другихъ—это труднѣе, потому что даетъ мѣрку для того страшнаго чудовища, которое въ насъ живетъ—любви къ себѣ.

Для того, чтобы любить другихъ, какъ себя, мы должны попробовать любить себя, какъ другихъ.

9.

Любить близкихъ—это любить себя. Не то же самое любить близкихъ и любить себя.

10.

Люди не равны.

Тотъ, кто назвалъ ихъ равными, хотѣлъ уменьшить разстояніе, которое между ними существуетъ. Разстояніе это—вѣчная величина.

Люди будутъ родиться неравными — ихъ дѣлаетъ неравными не только голубая кровь, принадлежность къ роду, но и собственная кровь каждаго.

11.

Каждый человѣкъ представляетъ нѣчто отдѣльное.

Только невозможность вникнуть во всѣ эти особенности, недостаточность для того средствъ является причиною, почему у насъ такъ много произведеній пошлыхъ, такъ часто изображаются обыкновенныя черты людей и такъ рѣдко личныя.

Digitized by Google

Можетъ случиться и такъ, что писатель, который слишкомъ вникъ въ личную жизнь, не найдетъ читателей—его не поймутъ, потому что читатели слишкомъ привыкли къ тому, что изображаются обыкновенныя черты—всѣ ищутъ и въ литературѣ ту самую пошлость, надъ которою нельзя задуматься.

12.

Изучать людей — высшая мудрость, но какъ часто, изучая ихъ, судятъ только по себѣ.

Лучше совсѣмъ не судить, чѣмъ судить невѣрно.

Нельзя судить вѣрно, если не отдаешь себѣ отчета въ томъ, какъ легко судить невѣрно.

13.

Чѣмъ свободнѣе человѣкъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, тѣмъ больше управляетъ онъ собою самъ.

Быть свободнымъ не легко, — все сваливать на обстоятельства гораздо проще.

Тотъ, кто стремится къ свободѣ, часто не понимаетъ, что такое свобода, нѣтъ тирана большого, чѣмъ самъ человѣкъ, получить одобреніе собственнаго я труднѣе, чѣмъ одобреніе другихъ.

Свобода тяжелѣе рабства, это знаютъ не всѣ.

Рабство—это рамки, это обстоятельства; когда ихъ нѣтъ, нѣтъ ничего.

Дать свободу—это часто сдѣлать несчастными. Заставить повиноваться—сдѣлать счастливыми.

Заставить повиноваться—великая задача. Никто не

Digitized by Google

думаетъ о томъ, какъ она трудна, а слишкомъ часто жалѣютъ тѣхъ, кто повинуется.

14.

Тотъ, кто мучается прошедшимъ, забываетъ не то только, что прошедшее нельзя измѣнить, но и то, что если бы онъ поступилъ иначе, то мучился бы, пожалуй, еще больше.

15.

Большинство людей думаетъ такъ, какъ думаютъ всѣ, или признается только въ такихъ своихъ мысляхъ.

Люди всего больше боятся новаго тамъ, гдѣ должно быть, по ихъ мнѣнію, старое, и стараго, гдѣ должно быть новое—иначе они не были бы такими врагами новыхъ мыслей и стараго покроя платья.

Итти по новой дорогѣ не значитъ повторять послѣднее слово. Большинство людей считаетъ новою дорогою это послѣднее слово и не задумывается надъ тѣмъ, что, пока они его повторяютъ, оно уже устарѣло и то новое которое должно явиться на смѣну, еще встрѣчаетъ тысячу препятствій въ лицѣ тѣхъ, которые повторяютъ это самое послѣднее слово.

16.

Человѣчество идетъ впередъ, но никогда не думаетъ о тѣхъ дорогахъ, по которымъ оно нейдетъ.

Та дорога, по которой оно идетъ, одна; тѣхъ, по которымъ оно не идетъ, много.

Digitized by Google

Что значить итти впередъ?

Та самая дорога, по которой мы идемъ теперь, смѣнится иною, мысль о равенствѣ замѣнится, можетъ-быть, мыслью о неравенствѣ.

17.

Равенство не можетъ быть деспотизмомъ массы. Ницше правъ, считая, что нельзя уничтожить лучшихъ людей для того, чтобы помочь всѣмъ.

Какъ несправедливо дѣлать всѣхъ пушечнымъ мясомъ, такъ же несправедливо обращать въ пушечное мясо и нѣкоторыхъ.

Сравнять всѣхъ, это сдѣлать пушечнымъ мясомъ нѣкоторыхъ, тѣхъ самыхъ, которые родились для этого еще меньше, чѣмъ остальные.

18.

Женщина не должна служить мужчинѣ, но и мужчина—женщинѣ.

Въ высшихъ классахъ случается часто, что мужчины служатъ женщинамъ, а женщины считаютъ себя порабощенными.

19.

Тотъ, кто не имѣетъ денегъ, не знаетъ, что такое ихъ имѣть.

Быть богатымъ это обязанность и свобода въ тоже время.

Какъ трудна эта свобода и какъ тяжела эта обязанность!

Digitized by Google

Быть богатымъ это быть любимымъ. Какъ мучительна эта любовь, если отдаешь себѣ въ томъ отчетъ!

20.

Чѣмъ больше человѣкъ цѣнитъ въ другихъ ихъ внѣшнія отличія, тѣмъ блистательнѣе его собственное testimonium paupertatis.

Быть тщеславнымъ—это не имѣть гордости.

Лучше быть гордымъ, чѣмъ тщеславнымъ.

Высшее самолюбіе не быть гордымъ. Признаваться въ какой-нибудь своей слабости—это не имѣть самолюбія. Мы тѣмъ охотнѣе признаемся въ своей слабости, чѣмъ меньше ей вѣримъ.

Самый откровенный человѣкъ не можетъ говорить всегда правду.

21.

Правда часто пошлость. Нѣтъ больше правды, какъ мысль о смерти—нѣтъ истины пошлѣе.

Съ мыслью о смерти примириться нельзя: можно умереть геройски, можно забыть, что умрешь, но это не значитъ примириться.

Жизнь цѣнна тѣмъ, что примиренія со смертью нѣтъ.

22.

Величайшее счастье быть понятымъ—величайшее несчастье не имѣть друзей.

Враги понимаютъ насъ иногда лучше друзей, пото-

Digitized by Google

му что знаютъ наши сильныя стороны, которыя ускользаютъ отъ друзей.

23.

Быть умнымъ—это видѣть вещь со всѣхъ сторонъ.

Тотъ, кто больше видитъ, больше колеблется.

Чѣмъ человѣкъ умнѣе, тѣмъ онъ менѣе упрямъ.

Быть упрямымъ легко, имѣть характеръ трудно; имѣть характеръ это знать всѣ другія рѣшенія и остановиться на одномъ; быть упрямымъ—ихъ не знать, а потому и не быть въ состояніи остановиться на чемъ нибудь другомъ, какъ на томъ что знаешь.

24.

Слабости другихъ составляютъ нашу силу. Говоря о нихъ, мы чувствуемъ себя сильнѣе. Мы еще сильнѣе, когда сознаемъ собственныя слабости.

25.

Не всякая болѣзнь—слабость; есть болѣзни, которыя дѣлаютъ человѣка лучше, заставляютъ его сознать, что тѣло еще не весь человѣкъ, а потому укрѣпляютъ духъ.

Болѣзни, которыя разслабляютъ духъ, большое несчастье; но не потому ли онѣ его разслабляютъ, что духъ слабъ?

Digitized by Google

26.

Сердиться—это быть слабымъ. Кто чувствуетъ свою силу никогда не сердится.

27.

Есть случаи, гдѣ смѣяться не значитъ стать выше. Смѣяться тамъ, гдѣ надо думать или чувствовать, значитъ стать ниже.

28.

Въ минуты, когда насъ не понимаютъ люди, намъ дороги животныя тѣмъ, что они не могутъ насъ понимать.

Они относятся къ намъ всегда одинаково.

Насъ оскорбили свои, мы обращаемся къ чужимъ.

29.

Для того, чтобы что нибудь сдѣлать, надо имѣть увѣренность въ томъ, что сдѣлаешь.

Пока вещь не сдѣлана, очень трудно имѣть эту увѣренность.

Болѣе добросовѣстные люди часто ее не имѣютъ, а потому и не достигаютъ.

Унывать и не достигать синонимы.

Достигать извѣстнаго, потому что не желаешь большаго—также синонимы.

Digitized by Google

30.

Люди вѣнчаютъ того, кого мучаютъ.
Высшая награда нести не крестъ, а вѣнецъ.

31.

Есть люди, которые носятъ въ себѣ собственное несчастье.
Нѣтъ больше несчастья какъ мысль о смерти.
Есть люди, которые родятся съ этою мыслью, не живутъ, чтобы умереть, какъ всѣ, но чтобы всегда думать о томъ, что они умрутъ.

32.

Формализмъ вошелъ у насъ въ плоть и кровь—отдѣлаться отъ него трудно.
Если мы отдѣлаемся, то разрѣшимъ загадку, которая теперь кажется неразрѣшимою.

33.

Нельзя жить и ничѣмъ не интересоваться.
Нельзя интересоваться дѣломъ, сводящимся къ формальностямъ, скорѣе можно интересоваться формальностями, сводящимися къ интересу.
Таковы карты.

34.

Придавать значеніе деньгамъ—это не задумываться надъ жизнью.

Digitized by Google

Кто задумался разъ, не можетъ уже придавать.

Если бы больше людей задумались, жизнь стала бы другою.

35.

Думать о народѣ должны тѣ, въ чьихъ рукахъ ему помочь.

Это совѣмъ не такъ легко, какъ кажется.

Думаютъ о народѣ больше тѣ, въ чьихъ рукахъ говорить.

Поэтому говорится много, дѣлается мало.

36.

Дѣлать добро значитъ не ожидать благодарности, получать добро быть неблагодарнымъ.

Большинство тѣхъ, кто дѣлаетъ добро, ожидаетъ благодарности, тѣхъ, кто его получаетъ, платить неблагодарностью.

Отсюда такъ много разочарованій.

37.

Ключъ къ разрѣшенію очень многаго непонятнаго— это глупость людей.

Понимать значитъ иногда понимать глупость.

Только умный человѣкъ задаетъ себѣ вопросъ, что такое умъ, глупый никогда не интересуется ни тѣмъ, что такое умъ, ни тѣмъ, что такое глупость.

Если бы онъ интересовался, то пересталъ бы быть глупымъ.

Digitized by Google

38.

Все знать не значитъ знать всю грязь.

Нашъ духовный міръ не можетъ расширяться безконечно.

Представленія и понятія занимаютъ также мѣсто.

Знать многія мелочи и грязь значитъ не знать другого лучшаго, такъ какъ нельзя знать всего.

Мы постоянно замѣчаемъ, какъ одни понятія оттѣсняются другими.

Мы помнимъ только то, что насъ интересуетъ.

Если мы интересуемся мелочами и грязью самими по себѣ, то не интересуемся другимъ и лучшимъ.

Это очень часто забывается.

Одинъ рядъ понятій вызываетъ другой.

Въ головахъ нашихъ больше порядка, чѣмъ мы это думаемъ. Понятія вяжутся одни съ другими, они образуютъ цѣпи. Намъ не нужно употреблять усилій, чтобы образовались эти цѣпи.

Грязь сама собой присоединяется къ грязи.

39.

Мы не отдаемъ себѣ отчета въ томъ, что происходитъ въ нашихъ головахъ, и потому иногда меньше разбираемъ то, что читаемъ, чѣмъ то, что ѣдимъ.

Мы бросаемъ книгу, которая скучна, не задавая себѣ вопроса отчего?

Если бы мы всегда могли отвѣтить отчего, то иногда не бросали бы тѣхъ книгъ, которыя бросаемъ.

Digitized by Google

теперь, и не были бы въ состояніи читать тѣ, которыя читаемъ.

40.

Строить трудно, разрушать легко.

Не всегда нужно разрушить, чтобъ построить.

Какъ часто разрушаютъ и какъ рѣдко строятъ.

Если бы всѣ это сознавали, то, можетъ быть, строили бы не больше, но меньше придавали бы значенія умѣнью разрушать.

Проще критиковать то, что сказали другіе, чѣмъ додуматься до собственнаго мнѣнія, потому что можно критиковать, не додумавшись, и это всего чаще и случается.

Тотъ, кто знаетъ, какъ трудно додуматься, критикуетъ меньше.

Еще легче, чѣмъ критиковать чужое, повторять то что сказали другіе, забывая, что оно чужое. Тотъ, кто называетъ чужое чужимъ понимаетъ, что такое чужое, и это всегда тотъ, кто можетъ сказать свое.

Большинство людей повторяетъ чужое и критикуетъ, не имѣя своего.

Самый строгій критикъ тотъ, кто самъ ничего не создавалъ.

Чужія мысли – это чужія платья. Тотъ, кто признается, что они чужія, обыкновенно ихъ не носитъ.

41.

Покоряться обстоятельствамъ или быть терпѣливымъ — высшая житейская мудрость часто слабость

Digitized by Google

ума, сердца и характера—это только невозможность жить иначе.

42.

Быть нетерпѣливымъ значитъ не покоряться, это высшій житейскій недостатокъ,—имъ страдаютъ лучшіе люди.

43.

О добродѣтели говорятъ всего чаще тѣ, у кого ея нѣтъ, какъ о народѣ газеты, потому что помочь ему не могутъ.

Не говорить еще не значитъ дѣлать, молчать о добродѣтели еще не значитъ быть добродѣтельнымъ.

44.

Сонъ тоже дѣйствительность. Онъ лучше дѣйствительности тѣмъ, что намъ не приходится дѣйствовать.

Когда мы дѣйствуемъ во снѣ, то обыкновенно ошибаемся.

Во снѣ мы видимъ тѣхъ, кого уже больше не можемъ увидѣть на яву, во снѣ мы можемъ слѣдить за собственными мыслями.

Сонъ хуже дѣйствительности, когда онъ не поднимаетъ насъ надъ жизнью.

45.

Обобщать значитъ иногда не понимать, одинаково, какъ и различать.

Digitized by Google

46.

Чѣмъ инструментъ лучше, тѣмъ онъ нѣжнѣе, чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ онъ впечатлительнѣе.

Работать умственно—это не только писать, но жить; иначе—чувствовать и думать тамъ, гдѣ безслѣдно проходятъ другіе.

Утомляетъ не то, что пишешь, а то, что живешь.

Нельзя жить иначе, потому что нельзя себя передѣлать, обратиться изъ сложнаго инструмента въ простой.

47.

Быть сложнымъ инструментомъ иногда счастье, иногда несчастье.

Большее радуетъ, большее и печалитъ.

48.

Обыкновенно говорится, что въ природѣ нѣтъ зла, что зло только въ людяхъ. Но зло въ насъ, зло въ природѣ—мы составляемъ часть природы.

Если бъ мы сознавали, сколько страданій въ природѣ, то съ своей стороны уменьшали бы зло, а не увеличивали его, мы же его увеличиваемъ.

Чѣмъ больше мы любимъ, тѣмъ болѣе возвышаемся надъ природою—любимъ, какъ люди, а не какъ животныя, живемъ не половою любовью, а человѣческою.

Digitized by Google

49.

Прошедшее—не призракъ.
Имѣть воспоминанія—нѣчто дѣйствительное.
Хорошія воспоминанія помогаютъ жить.

50.

Будущее заключается для насъ въ надеждахъ.
Оно въ нашихъ рукахъ, потому-то намъ всего дороже.
Нельзя жить и не надѣяться.

Digitized by Google

IV.

ЧТО ТАКОЕ ЗЛО?

„Егорій храбрый, сражавшійся съ зміемъ, всегда останется нашимъ русскимъ идеаломъ, прочла я недавно, и это меня ободрило, дало мнѣ храбрость считать, что все то, что я скажу, не только мое личное мнѣніе, а въ немъ отражается и частица народной правды, русской правды!

Если эта правда и затемняется всѣми нашими грѣхами, то она требуетъ для того, чтобъ возсіять, очищенія отъ этихъ своихъ грѣховъ. Надо именно показать, что только грѣхъ то, что мы такъ часто считаемъ правдою, и надо разстаться съ мыслью о томъ, что „не противиться злу“ правда.

Мнѣ кажется, что можно простить личную обиду, и нельзя простить обиду, которая нанесена другому или зло въ обществѣ.

Было время, когда толстовское слово „не противься злу“ только возмущало меня до глубины души.

Что въ немъ меня возмущало?

Digitized by Google

Приходило ли мнѣ тогда въ голову, что жизнь полна противорѣчій, что Христосъ велѣлъ подставить другую щеку и Онъ же взялъ веревку, чтобъ выгнать изъ храма. Думала ли я о томъ, что можно согласить то или другое?

Для того, кто бы хотѣлъ, чтобъ Христосъ совершилъ только одно изъ двухъ, жизнь не есть та страшно трудная задача, которою она является—мѣсто прощенія и негодованія одновременно, какъ это и освящено самимъ Спасителемъ, велѣвшимъ прощать личныя обиды и вооружившимся противъ зла въ обществѣ.

По дорогѣ прощенія мы находимъ это самое „не противься злу", а рядомъ великое не слово, но дѣло Христа—изгнаніе изъ храма торгующихъ.

Если прощать, то значитъ не противиться злу; если изгонять изъ храма, то противодѣйствовать. Какъ быть и что такое зло? Слабость ли оно, или сила? По словамъ философовъ, начиная съ Платона, зло есть слабость, немощь, лишеніе—это не иное начало, а отрицаніе начала, т.-е. не принципъ, если употребить вмѣсто начала излюбленное иностранное слово, а безпринципность, беззаконіе, а не законъ.

Вѣрно ли опредѣляютъ зло философы, люди, которые глубоко вдумались въ вопросъ, призваніе которыхъ понять сущность того, о чемъ идетъ рѣчь, раскрыть эту сущность или внутреннее содержаніе иначе зерно вопроса и не довольствоваться тѣмъ, что составляетъ его поверхность или видимость, выражаясь языкомъ философовъ, явленіе, а не сущность.

Можно ли согласить то, что зло слабость, съ тѣмъ, что ему не надо противиться?

Digitized by Google

Вѣдь разъ, что зло слабость, то не противиться ему значитъ уступать тому, что само слабо или другими словами это будетъ міръ на изнанку, придется покоряться не силѣ, а слабости, предпочитать ничто чему либо. И слѣдов., уступать злу значитъ признать силу этой слабости, непреодолимость того, что само лишь слабость? Можно ли это допустить?

Надо ли покоряться злу подобно тому, какъ мы покоряемся всему стихійному, тому, что не отъ насъ, такъ своему рожденію, своей смерти?

Но если съ одной стороны мы не можемъ не покоряться тому, что составляетъ элементъ стихійный, то съ другой, жизнь наша заключаетъ въ себѣ и элементъ борьбы. А это и есть въ ней лучшее, то самое, что привязываетъ насъ къ жизни.

Мы вѣдь любимъ жизнь не за то, что принадлежимъ къ природѣ, составляемъ ея часть и часть неотъемлемую, но всего болѣе за то, что можемъ бороться съ тѣмъ, чего мы часть, за то, что мы одни во всей природѣ сознали эту нашу связь съ природою и не можемъ потому въ силу этого своего сознанія не считать себя выше природы.

Мы любимъ жизнь за то, что одни отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что мы такое, а не довольствуемся тѣмъ, что живемъ общею съ природою жизнью, т.-е. жизнью почти всегда безсознательною. Въ силу нашего человѣчества, мы не только подчиняемся стихійному элементу, но вступаемъ съ нимъ въ такую борьбу, какой не знаетъ вся остальная природа—въ этомъ и заключается наша особенность, сила нашего человѣчества.

Выше всего для насъ сознаніе, что мы ведемъ борь-

Digitized by Google

бу за свое существованіе, а въ наше существованіе входитъ все то, безъ чего мы не можемъ обойтись— всѣ элементы нашей жизни. Какъ нельзя отдѣлить тѣло отъ духа, такъ одинаково и физическое существованіе неотдѣлимо отъ психическаго.

Ихъ разъединить—это значитъ уничтожить человѣка. Когда духъ отдѣляется отъ тѣла, то человѣка уже больше нѣтъ.

Итакъ, уступить злу значитъ ему покориться или признать его стихіею, а слѣдов., стать еще слабѣе, быть не только пригвожденнымъ къ землѣ, но къ грязной землѣ.

А мы ищемъ свѣта, намъ нужно солнце.

„Не противиться злу“ это въ простой доступной всѣмъ, уже опошлившейся формѣ тотъ мальчикъ въ коммунѣ толстовцевъ, который снимаетъ съ народника поддевку и объявляетъ, что она его.

„Ваша вѣра запрещаетъ вамъ снять съ меня эту поддевку“, говоритъ мальчикъ—этотъ умный и гадкій мальчикъ, тонко подмѣтившій практическій смыслъ вѣры толстовцевъ, то, къ чему вѣра эта должна быть сведена въ жизни, и понявшій смыслъ этого ученья такъ, чтобы одѣться самому. И міръ полонъ тѣми, кто думаетъ только о томъ, чтобы одѣться, и одѣться на счетъ другого безъ того, чтобы сѣять и жать, а только обирая чужую жатву.

„Не зѣвай“ наша 11-ая заповѣдь—та самая заповѣдь, которая исполняется чаще 10-ти первыхъ, и мальчикъ дѣйствительно не зѣваетъ.

Вѣдь тотъ, кто считаетъ принципомъ непротивленіе не можетъ взять у него обратно поддевку. Это

Digitized by Google

вѣдь именно и запрещаетъ вѣра тѣхъ, кто сдѣлалъ заповѣдью „не противься“.

И потому оказывается, что снимайте съ другихъ, сколько это угодно вашей душѣ. Пусть живутъ и торжествуютъ всѣ тѣ, которые снимаютъ!

Но мы, которые не хотимъ снимать?

І. Христосъ сказалъ „подставьте лѣвую щеку“, т.-е. что не надо отнимать у того, кто взялъ. По новому завѣту не око за око или не полагается платить тою же монетою.

Въ этомъ заключается, конечно, глубокая истина, но не всѣ въ состояніи ее понять.

На ряду съ людьми, которые способны оцѣнить глубину этой истины, стоятъ другіе, настолько позгрязшіе, что истина эта нужна имъ только для того, чтобы оскорблять другихъ и овладѣвать чужою собственностью. Тѣ, которые не противятся злу, лишь позволяютъ этимъ людямъ захватывать все больше и больше, и плохо приходится униженнымъ и оскорбленнымъ, тѣмъ, которымъ не до глубокаго или не до теоретическаго смысла изреченія „не противься злу“ въ то время, когда у нихъ отнимается послѣдняя рубашка. Они перестаютъ вѣрить въ высшую правду, когда въ борьбѣ за существованіе у нихъ берутъ эту рубашку.

За нихъ то и надо заступиться. Страшна проповѣдь „не противься злу“, когда думаешь о всѣхъ тѣхъ кого оскорбляютъ, когда подъ прикрытіемъ высшей правды открывается просторъ для всяческой неправды.

А зла вѣдь на свѣтѣ такъ много, и какъ не стараться потому ему противиться? Глубокъ былъ смыслъ того, что І. Христосъ взялъ веревку, когда зло ока-

Digitized by Google

залось въ храмѣ. Именно храмомъ является наша общественная жизнь разъ, что въ нее вторгается зло; зломъ въ храмѣ я и считаю проповѣдь, что злу не надо противиться. Надо не обезоруживать въ борьбѣ со зломъ, а помочь; оно и безъ того слишкомъ сильно, и потому никакъ нельзя помириться съ подобной проповѣдью.

Таковъ практическій смыслъ этого изреченія.

Если же вдуматься въ его теоретическій или философскій смыслъ, то нельзя не сказать, что тамъ, гдѣ зло, добро должно отойти—добро не можетъ мѣряться съ тѣмъ, что ниже его, не на его обязанности лежитъ выбить глазъ, чтобы доказать свою правоту.

Добро, которое выбиваетъ глазъ, недостойно называться добромъ.

Разъ, что къ толстовцамъ попалъ мальчикъ, который не понялъ ихъ ученья, то обратить его уже нельзя, хотя бы взявъ назадъ поддевку.

Такимъ путемъ нельзя во всякомъ случаѣ доказать что онъ не имѣлъ права ее взять, разъ, что онъ ни это рѣшился; но разъ, что мальчикъ началъ проповѣдывать, что такъ и должно быть, не нужна ли тогда веревка синонимъ негодованія, когда зло въ храмѣ?

Въ томъ, что добро и зло несовмѣстимы, какъ свѣтъ и мракъ, заключается тотъ же смыслъ какъ въ томъ, что дьяволъ отпалъ отъ Бога и Богъ его не тронулъ. Вѣдь разъ, что онъ отпалъ отъ Бога, Богъ не могъ его уже больше знать.

Все то, что не можетъ быть добромъ, именно не имѣетъ мощи для того, чтобъ имъ стать, становится зломъ, отходитъ въ міръ немощи и мрака, и нѣтъ ему мѣ-

Digitized by Google

ста въ мірѣ свѣта. Тамъ, гдѣ царствуетъ Богъ, нѣтъ мѣста дъяволу: все то, что отпало отъ Бога, уже не Божье, а чужое.

Насколько простъ и ясенъ теоретическій смыслъ того, что такое зло, настолько же нелегко раскрыть зло, такъ часто выступающее съ сознаніемъ своего достоинства, своихъ правъ на признаніе его добромъ, когда тутъ же рядомъ у стѣнки робко жмется добро. Мы вѣдь знаемъ, что послѣдніе будутъ первыми, что и І. Христосъ былъ изъ Назарета. А какъ понимать смыслъ того, чтобы быть первыми? Только тѣ и могутъ быть первыми, отъ которыхъ далека самая мысль о первенствѣ, далека, потому что они носятъ царство Божіе въ себѣ, сознаютъ свою правоту, и имъ достаточно этого сознанія, въ этомъ и заключается для нихъ царство Божіе.

Лучшее чѣмъ мы живемъ, это наше торжество надъ стихійными силами, сознаніе, что въ насъ есть нѣчто, что позволяетъ намъ понимать природу, а не только принадлежать къ ней. Лучшіе люди тѣ, которые всегда носили въ себѣ священный огонь истины и добра, жившіе лишь для того, чтобы доказать торжество свѣта. Людямъ этимъ мы обязаны своей культурой, своей нравственностью, своей вѣрой, тѣмъ, что нельзя не вѣрить и нужно вѣрить. Вѣра двигаетъ горами: это она вывела насъ изъ первобытнаго состоянія и ведетъ теперь въ этомъ мірѣ телефоновъ и электричества, среди торжества матеріи и служенія тѣлу, ведетъ дальше, показывая намъ, что при свѣтѣ электричества и при звукѣ телефоновъ мы все тѣ же, что были когда то, т.-е., что страшно много остается намъ еще сдѣлать, что жить можно—есть только условія, при которыхъ гиб-

Digitized by Google

нутъ наши силы, которыя могли бы не гибнуть, если-бы было только теплѣе и свѣтлѣе.

И потому для того, кто вѣритъ въ добро, можетъ ли быть что-нибудь ужаснѣе пассивнаго отношенія ко злу?

Мальчикъ вѣдь не въ состояніи сознать, что беретъ то самое, что нужно другому, и что если онъ беретъ, то, слѣдов., употребляетъ насиліе и поступаетъ нехорошо.

Чѣмъ дольше будетъ терпѣть тотъ, у кого мальчикъ беретъ, или чѣмъ мы будемъ пассивнѣе, тѣмъ легче и пріятнѣе будетъ мальчику брать. И потому трудно предположить, чтобы онъ остановился тамъ, гдѣ чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ все пріятнѣе и легче, потому что чѣмъ больше онъ вникаетъ въ превосходство чужого передъ своимъ, тѣмъ все настойчивѣе будетъ брать.

Когда передъ нами сама жизнь съ ея грубымъ насиліемъ, съ ея вѣчнымъ торжествомъ того, кто беретъ, какъ то радостно сжимается сердце всякій разъ, что тотъ, у кого не могутъ не отнимать, опять надѣваетъ свою поддевку. Онъ получаетъ только свое, она опять его, и все же становится какъ-то легче жить не потому, что онъ не прожилъ бы безъ этой поддевки, но потому, что она его и потому-то, можетъ-быть, ему особенно и дорога, и если онъ ее и подаритъ, то именно не тому, кто въ состояніи взять самъ. Онъ хочетъ дарить, но не хочетъ, чтобы отнимали.

Неужели тотъ, кто взялъ, не сознаетъ, что брать нельзя?

Все дѣло въ этомъ сознаніи,—въ томъ, чтобы его добиться. Потому-то меня такъ и возмущаетъ это недопускающее самой мысли о торжествѣ свѣта и истины „не противься злу“.

Digitized by Google

Возмущаетъ оно меня еще потому, что русскій характеръ насъ, недурныхъ русскихъ людей и заключается уже въ этомъ самомъ „не противься злу“ или иначе въ этомъ-то и есть наша слабохарактерность, а потому въ русской жизни и торжествуетъ не добро, а зло. Этому надо противодѣйствовать, а никакъ не считать нормальнымъ и тѣмъ болѣе не освящать.

Въ нашей жизни можно подмѣтить слѣдующее явленіе. Мы или сами злы, или злу не противимся. У насъ нѣтъ характеровъ, мало людей, идущихъ навстрѣчу злу, наперекоръ ему, чтобы его побороть, поэтому, то зло у насъ такъ сильно и у насъ столько безнравственности. То, что наша русская жизнь полна безнравственности, не подлежитъ вѣдь сомнѣнію, это не только, потому что безнравственъ тотъ, кто снимаетъ поддевку, но и тотъ, кто позволяетъ ее снимать, т. к. онъ обыкновенно противопоставляетъ сниманію не свою вѣру, а свое бездѣйствіе.

А Л. Толстой, видя въ непротивленіи злу лишь глубокій смыслъ, смотритъ на него глазами генія, которому чуждо все болѣе мелкое, забываетъ его практическое значеніе, то, что намъ обыкновенно лѣнь помѣшать и мы также легко отдаемъ поддевку, какъ легко ее съ насъ снимаютъ—это самое обыкновенное явленіе въ нашей русской жизни, вовсе не нуждающееся въ освященіи.

Если бы всѣ тѣ, которымъ наносится зло, не относились къ своему положенію настолько пассивно, какъ это теперь, зло стало бы, по моему мнѣнію, слабѣе.

Въ нашей русской жизни девизомъ не можетъ служить „не противься злу“, а „борись съ нимъ, насколько есть у тебя силъ“.

Digitized by Google

Когда всякій сознаетъ эту свою обязанность, и мы не будемъ такъ безучастно, какъ это теперь, проходить мимо грабежа и оскорбленія, грабежей и оскорбленій станетъ, по моему мнѣнію, меньше. Если бъ союзъ честныхъ людей могъ бы быть такъ крѣпокъ, какъ это теперь союзъ мошенниковъ, можно бы совладать со зломъ, но будетъ ли это когда-нибудь?

Глубокій смыслъ словъ „не противься злу“ отъ насъ ускользаетъ, практическое же значеніе ихъ въ томъ, что мы все равно не можемъ ничего сдѣлать, и потому зачѣмъ противиться?

А жизнь можно улучшить только, когда нѣтъ такого равнодушнаго отношенія къ ней. Спасеніе не въ немъ, а въ борьбѣ. Борьба же возможна лишь тамъ, гдѣ есть любовь къ истинѣ, когда огорчаетъ торжество несправедливости, высшимъ оскорбленіемъ является то, что торжествуетъ не добро, а зло.

Зло слабость, потому что совершать его настолько же легко, насколько трудно поступать хорошо. Не много нужно, чтобы повредить, чтобы разрушить, а всегда трудно строить, будь то даже что-нибудь маленькое.

Этимъ и объясняется, почему такъ много зла, и зло выступаетъ въ такихъ красивыхъ платьяхъ, а одно изъ нихъ „не противься злу.“ Потому-то люди такъ любятъ зло, такъ охотно повторяютъ всякое зло о ближнемъ, и такъ трудно противодѣйствовать распространенію зла.

Идеаломъ могло бы служить въ такой же степени противодѣйствовать злу, въ какой въ настоящее время мы противодѣйствуемъ добру, столько же силъ отдавать на подавленіе зла и на борьбу съ нимъ, а никакъ не

Digitized by Google

видѣть спасеніе въ терпимости зла, въ равнодушномъ къ нему отношеніи.

Зло—слабость, потому что быть злымъ—это значитъ ничего не создавать, а только разрушать.

Зло сила, по скольку тотъ, кто разрушаетъ, является силою, и когда эта сила больше той, которая созидаетъ—скверно жить на землѣ, и не исполняется наше призваніе любить жизнь и давать жить другимъ.

Жизнь—это та большая дорога, которая ведетъ по тинѣ. Жить—это итти по этой тинѣ.

И тотъ, кто первый подмѣтилъ, что жить—это итти по тинѣ, кто не захотѣлъ итти по ней, ушелъ въ сторону и проложилъ тропинку по дебрямъ,—то была дорога аскетизма.

Это былъ тотъ, кто 1-й подмѣтилъ, что не вся жизнь на большой дорогѣ, и можно итти и не погибнутъ, и онъ ушелъ.

Люди на него смотрѣли и поняли то, чего они не знали раньше—поняли именно то, что ихъ дорога ведетъ по тинѣ и итти по ней не что иное какъ погрязнуть.

Раньше они до того свыклись съ этою тиною, что не отдавали себѣ отчета въ томъ, что можно не желать по ней итти и хотѣть жить иначе. Поняли же они это только, когда свернули тѣ, которые вѣрили въ себя настолько, что не боялись очутиться безъ дороги. И они показали то новое, что можно не хотѣть итти по тинѣ и можно свернуть и не погибнуть въ дебряхъ.

А когда эти пустынники вернулись, когда они пришли сказать свое слово, они сказали то высшее сло-

Digitized by Google

во, которое существуетъ. Оно было высшимъ словомъ, потому что перестало быть словомъ и обратилось въ дѣло. Слово это то, что надо не уйдти отъ міра, а жить въ немъ и жить такъ, чтобы не погрязнуть.

Тѣ, которые вернулись, могли сказать это слово, потому что пришли не съ пустыми руками. Тамъ въ лѣсной чащѣ сдѣлали они мостки—они мастерили ихъ всю жизнь.

Въ то самое время, какъ люди шли, не вѣдая, какъ тяжелъ ихъ путь, они работали тамъ у себя въ лѣсу—въ этомъ новомъ своемъ отечествѣ.

И когда они вернулись съ мостками, люди увидѣли, что имъ нужны именно мостки, что можно итти совсѣмъ иначе, когда есть мостки

Тѣ, которые имѣли силу бросить міръ, чтобы итти по дебрямъ, нашли въ лѣсной чащѣ то самое, что нужно міру—то твердое и прочное, что одно спасаетъ, а это и есть нравственность.

Когда есть нравственность, тина жизни уничтожена.

Но тотъ, кто удалился въ лѣсъ, чтобы въ немъ и остаться, только аскетъ. Онъ не хочетъ знать міра съ его нуждами, а потому и не нуженъ міру.

Всегда самою жизненною задачею человѣка, призваніемъ нашимъ будетъ освѣщать дорогу—сдѣлать ее торной, а не прожить въ лѣсу. Тотъ же, кто нашелъ въ лѣсной чащѣ свое спасеніе, человѣкъ не отъ міра сего, но онъ въ тоже время и эгоистъ; тотъ, кто вернулся къ людямъ и принесъ имъ мостки, пересталъ быть эгоистомъ—онъ сдѣлалъ то самое, что и есть

Digitized by Google

высшее на землѣ—это помогать жить другимъ ,а не только жить самому.

Оставаться, чтобы погрязнуть—обыкновенный удѣлъ человѣчества, уйдти—это аскетизмъ, вернуться лучшее, что есть.

Тотъ, кто спасся или сталъ аскетомъ, любилъ только себя, тотъ, кто любитъ людей, не можетъ только спасаться, и нѣтъ потому ничего выше этой любви.

Любить людей—это любить тѣхъ, кто васъ не понимаетъ, а не тѣхъ кто, вѣнчаетъ. Люди не вѣнчаютъ того, кто кладетъ имъ мостки; они должны прежде выучиться ходить по мосткамъ, а когда выучатся, то нѣтъ уже того, кто ихъ положилъ. Но тому, кто дѣлалъ это съ твердой вѣрою, что мостки благо, ничего не нужно было для себя.

Кто любитъ, не нуждается самъ въ любви: она для него роскошь. Смыслъ его жизни заключается въ томъ что онъ любитъ, и что нужно тогда еще!

Только тотъ, кто любитъ и можетъ класть мостки. Вся жизнь его посвящена людямъ, отъ нихъ же онъ ничего не ожидаетъ.

Нравственность—это тѣ мостки, которые создаются любовью. Любовь помогаетъ жить: она говоритъ, что жить можно, потому что существуетъ одно твердое и прочное.

Сколько бы тысячелѣтій ни продолжалось еще существованіе человѣческаго рода, никогда не будетъ ничего выше той любви, которая знаетъ нравственность и не даетъ потухнуть огоньку истины и добра, освѣщаетъ и согрѣваетъ міръ.

Digitized by Google

Когда изъ міра ушли тѣ, которые хотѣли спастись, міръ сталъ еще пустѣе и мрачнѣе; но они должны уйти, чтобы вернуться.

И когда они вернулись, когда аскетизмъ возвысился до любви къ людямъ, осуществилось призваніе человѣка, исполнился тотъ завѣтъ, выше котораго не можетъ ничего быть!

И жизнь стала иною—нѣтъ больше пошлости—этой тины жизни.

И чѣмъ дальше, тѣмъ все шире станутъ эти мостки, потому что сооружать ихъ будутъ всѣ, а не только избранные. Разъ, что дѣло начато, продолжать его уже легче, потому что легко итти по мосткамъ, тяжело по тинѣ.

Если можно сохранить лучшее, лишь уйдя съ нимъ, оно еще не лучшее! Тотъ, кто ушелъ, воочію показалъ что можетъ хранить священный огонь лишь внѣ міра, А то, что годится для пустыни, не есть то, что нужно міру. Уйти отъ міра для того, чтобы не погрязнуть, это высшій подвигъ аскетизма, но не въ этомъ подвигѣ правда!

Не въ немъ заключается то, чѣмъ живы люди. Надо согрѣть и освѣтить ,а не уйти. Такъ любить, чтобы уйти было нельзя, такъ вѣрить въ то хорошее, что въ насъ есть, чтобы не понимать это хорошее внѣ міра, зажигать искры добра, которыя во всѣхъ таятся, а не тушить ихъ—вотъ задача, такая же трудная, какъ и высокая, и она велика, потому что трудна. Истина сама по себѣ гола, но у нея два лица. Она истина съ одной стороны, добро съ другой, и на воп-

Digitized by Google

росъ Пилата нельзя не отвѣтить, что истина есть добро, какъ добро истина.

Это и есть тотъ единственный отвѣтъ, который освѣщаетъ жизнь и придаетъ ей смыслъ! Безъ этого смысла жизнь ничто!

Тотъ, кто не запираетъ своего сердца, знаетъ, что такое добро. И тотъ, кто понялъ, что оно такое, разъ навсегда рѣшилъ вопросъ объ истинѣ. Онъ не понимаетъ истину въ иномъ смыслѣ. Наше русское слово „правда“ какъ нельзя лучше выражаетъ отождествленіе истины съ добромъ.

Когда мы говоримъ, что въ комъ-нибудь нѣтъ правды, то это значитъ, вѣдь, что нѣтъ добра и нѣтъ истины, нѣтъ именно того, чѣмъ живы люди!

Добро и зло всегда останутся двумя крайностями, и „не противиться злу“ никогда не можетъ стать потому идеаломъ. Кто не противится злу, не любитъ добро, добро исключаетъ зло, нѣтъ свѣта, который былъ бы мракомъ. Сколько бы мы ни старались затемнить смыслъ того, что говоритъ намъ сердце, затемнить этого вполнѣ нельзя. Любовь все покоряетъ, но любовь, которая дѣятельна: не противиться злу значитъ не любитъ добро.

Только тотъ, кто умѣетъ соединять любовь къ людямъ съ противленіемъ злу и вноситъ свѣтъ.

Впереди остается сдѣлать еще много, и пусть позади остаются равнодушіе и слабость, въ томъ числѣ и аскетизмъ, всѣ красивыя и заманчивыя формы его въ томъ числѣ и „не противься злу“. Не въ немъ спасеніе!

Итти по тинѣ это погрязнуть въ злѣ, не проти-

Digitized by Google

виться ему или спастись самому это уйти по узкой тропинкѣ аскетизма.

Лишь вернуться и научить, какъ жить, научить дѣятельной любви къ человѣчеству это исполнить свое призваніе и противодѣйствовать злу.

Чѣмъ больше будетъ такихъ людей, тѣмъ меньше станетъ зла на землѣ. И потому все спасеніе въ тѣхъ, которые борятся со зломъ, ему противодѣйствуютъ, потому что они любятъ добро и любятъ человѣчество!

И я по прежнему возмущаюсь, когда слышу „не противься злу“.

Digitized by Google

V.

Одно изъ увлеченій нашей молодежи.

Я хочу сказать нѣсколько словъ, которыя прямого тношенія къ философіи не имѣютъ, но скажу ихъ, можетъ быть, только, потому что я философъ. Но пусть я и занимаюсь философіей, то все же живу общею жизнью и интересуюсь больше чѣмъ философіей судьбою Россіи. Все то, что вредитъ Россіи, вредитъ и философіи, вредитъ правильному развитію науки, которая безъ развитія общества остается мертвой силою или обращается въ ничто. Наука нужна только тамъ, гдѣ развито общество—развитіе общества и науки должны итти рука объ руку.

Меня поразило объясненіе проф. Оствальда, почему такъ развилась химія въ Германіи, и поразило, потому что это былъ отвѣтъ на то самое, о чемъ я много думала, и какъ это часто бываетъ, не зная магическаго слова. Въ чемъ различіе нашей цивили-

Digitized by Google

заціи съ германской? Потому что различіе это есть, его слишкомъ больно чувствуешь на каждомъ шагу, чувствуешь съ той минуты, что переѣзжаешь границу. Различіе это заключается въ томъ, что наука и общество въ Германіи не разъединены—они постоянно идутъ рука объ руку, и антагонизмъ между ними немыслимъ. Можно одно изъ двухъ—или отвергать науку или ее признавать. Признавать такъ признавать то, что наука есть сила, только она ведетъ насъ впередъ, и если это признавать, то это знать науку не только въ кабинетахъ! Это знать ее на фабрикахъ, на практикѣ, то самое, въ чемъ проф. Оствальдъ и правильно, кажется мнѣ, признаетъ лучшее, что есть въ Германіи: это то, что тамъ не разъединены наука и жизнь, а вотъ это и есть лучшее въ наше время.

И это есть то, чего у насъ въ Россіи нѣтъ: то, что дѣлаетъ насъ все тѣмъ же самымъ молодымъ государствомъ, о молодости котораго мы такъ много уже говорили, но ее приходится, наконецъ, и забыть, т. к. время не ждетъ, и нельзя оставаться всю жизнь молодымъ—надо сдержать обѣщанія, которыя связаны съ молодостью, и не думаю, чтобы Россія не сдержала всѣ, потому что сдержала уже многія.

Я много жила въ Германіи и Швейцаріи, и потому то, что сказалъ Оствальдъ для меня не теорія—часто приходилось мнѣ задумываться почему у насъ сложилась иначе жизнь, и то самое, что такъ просто въ Германіи и Швейцаріи, является инымъ въ Россіи и составляетъ у насъ вопросъ. Это простое—учиться. Тамъ учатся съ любовью, понимаютъ, что лучшіе годы это годы, которые проходятъ въ стѣнахъ уни-

Digitized by Google

верситета. Въ эти годы человѣкъ живетъ только жизнью университета и почти всю жизнь помнитъ потомъ это золотое время—оно тамъ именно золотое. Что могло быть лучше университета и званія студента. Съ какою гордостью писали мы его вездѣ, гдѣ только можно было его писать. Студентъ университета, составляетъ гордость всякого нѣмецкаго города: онъ всегда и вездѣ господинъ студентъ. Въ Швейцаріи вѣдь собственно нѣтъ одной національности: студенты принадлежатъ ко всѣмъ національностямъ, и царствуетъ космополитизмъ. Но насъ соединяло одно – мы всѣ любили науку. У насъ была своя семья тамъ далеко отъ Россіи и мы считали, что служимъ Россіи тѣмъ, что учимся. И мы научились любить науку! А кто разъ ее полюбилъ, останется съ этою любовью навсегда.

Почему у насъ я вижу другое? И у насъ есть ученые, даже знаменитые ученые. Въ той же химіи они у насъ есть! Нѣтъ нѣмецкаго студента химіи, который бы не зналъ и не произносилъ съ благоговѣніемъ нашихъ русскихъ именъ Менделѣева, Бутлерова и другихъ. И въ тоже время у насъ нѣтъ лучшаго, нѣтъ химіи на фабрикахъ, того, что фабрики тратятъ капиталы, чтобы вести впередъ науку и оплачивать работу тѣхъ ученыхъ, которые ее двигаютъ и производятъ дальнѣйшую ея разработку не у себя въ кабинетѣ, не ради немногихъ и прославленія своихъ именъ, а ради тѣхъ же фабрикъ или жизни, ради того, что промышленность немыслима безъ развитія химіи, и тѣ химики и техники, которые служатъ на нѣмецкихъ фабрикахъ, не понимаютъ различія между наукою и жизнью.

Digitized by Google

Это есть тотъ самый яркій примѣръ, который характеризуетъ всю жизнь—все различіе между жизнью заграницей и у насъ, то самое, что тамъ, когда студентъ поступаетъ въ университетъ, то онъ берется за свое насущное дѣло и не понимаетъ, что изучаетъ что-то липнее, чѣмъ еще является наука въ Россіи.

Я часто слышала, что совсѣмъ не нужно ходить въ университетъ, когда учишься, что стоитъ только читать къ экзаменамъ записки, и я всякій разъ, что это слышу, прихожу въ недоумѣніе, потому что если не нужно ходить въ университетъ и достаточно читать записки, то еще проще читать руководства, которыя въ большинствѣ случаевъ лучше записокъ, но тогда къ чему расходъ государства на университеты—вѣдь громадный расходъ! Проще не имѣть университетовъ и употреблять деньги на что-нибудь другое!

Можно ли не учиться въ университетѣ? Мнѣ кажется, что это не болѣе, какъ недоразумѣніе, и нельзя допустить, чтобы университеты существовали не для того, чтобы въ нихъ учились. Я думаю, что если профессора дѣйствуютъ на студентовъ, то вѣдь и студенты на профессоровъ! По крайней мѣрѣ, когда я училась на педагогическихъ курсахъ, и у насъ прекрасно читалъ одинъ учитель, то я слышала отъ него потомъ, что онъ больше такъ уже никогда не читалъ, и это потому что встрѣчалъ сочувствіе. Вы знаете,—это передается. Когда я вижу, чго мои слова не интересуютъ, они начинаютъ казаться неинтересными мнѣ самой, и я не могу читать. Иногда одинъ, кого я считаю сочувствующимъ мнѣ, можетъ заставить меня все забыть и желать одного, сообщить то, что я знаю, иногда толпа оставляетъ меня безучастною—

Digitized by Google

думаю, что это самое испытывали и другіе. Такъ и въ нашихъ университетахъ! Если студентъ не вноситъ любви и сочувствія къ наукѣ, онъ подрываетъ профессора, если же онъ интересуется предметомъ, не думаю, чтобы профессоръ могъ остаться равнодушенъ къ тому, что возбуждаетъ—интересъ студента. Это былъ бы одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, потому что нельзя не считать рѣдкостью, когда люди, посвятившіе себя наукѣ, ее не любятъ! Но трудно любить, когда васъ окружаетъ безучастіе, васъ не хотятъ понимать, не поправляютъ въ вашихъ недостаткахъ, потому что у каждого профессора есть недостатки, и если онъ находитъ въ слушателяхъ сочувствіе, то и самъ идетъ впередъ.

А на безучастіе и равнодушіе будетъ отвѣтомъ одинаково безучастіе и равнодушіе, и дальше — у насъ останется въ университетѣ теорія, никому ненужная, сухая наука и неприкосновенной къ наукѣ останется жизнь, въ которую наука не можетъ влиться живою струею, когда сама мертва и безжизненна, и она чувствуетъ свое безсиліе, когда въ лучшіе года жизни та молодежь, въ которой цвѣтъ Россіи и призванная вести впередъ народъ, безучастно проходитъ мимо того источника свѣта, лучше котораго міръ еще ничего не создавалъ. Не думаю, чтобы на порогѣ XX вѣка могли быть образованные люди, которые отвергали силу науки и сказали, что она ничто, не считаю, что это возможно!

Но я и сама отличаю науку сухую отъ науки, вливающейся живою струею въ жизнь, отличаю жизнь того общества, гдѣ нѣтъ между ними разлада отъ того, гдѣ онъ существуетъ, и не могу успо-

Digitized by Google

коиться на мысли о томъ, что у насъ въ Россіи онъ есть.

Я все еще продолжаю считать Россію государствомъ цивилизованнымъ, я давно забыла всѣ наши древнія поговорки о смѣси французскаго съ нижегородскимъ, о томъ, что въ каждомъ изъ насъ сидитъ варваръ и на него наведенъ лишь лоскъ. Нѣтъ, я напротивъ считаю, что Россія настолько ушла впередъ, мы такъ много сдѣлали во всѣхъ отношеніяхъ, что можно забыть всѣ эти старыя слова, и мы не можемъ, когда грѣшимъ и увлекаемся, извиняться тѣмъ, что молоды. Вѣдь государство, которое навсегода останется молодымъ, не сдержало, значитъ, обѣщаній, которыя были связаны съ его молодостью. А Россія многое что сдержала и пріобрѣла такое уваженіе въ Европѣ, о которомъ 50 лѣтъ тому назадъ никто и не мечталъ!!

И потому бросимъ разговоръ о молодости Россіи и будемъ считать себя созрѣвшими, будемъ пользоваться плодами просвѣщенія и тѣмъ, что выработано цивилизаціею и потому оцѣнимъ науку во всемъ ея значеніи—науку, не сухую, не то, что нужно для кабинетовъ и для славы отдѣльныхъ личностей, а ту науку, безъ которой не можетъ протекать жизнь просвѣщенной страны, ту науку, которая именно нераздѣльно связана съ жизнью. Когда она химія, то разрабатывается на фабрикахъ и развиваетъ самостоятельность этихъ заведеній, когда она правовѣдѣніе, то помогаетъ внести знаніе закона — не буквы, а духа въ нашъ народъ, который до сихъ поръ не имѣетъ ни малѣйшаго чувства законности, когда она психологія, то помогаетъ вести преподаваніе такъ, чтобы развить лич-

Digitized by Google

ность учениковъ, дѣйствительно ихъ развиваетъ, а не ограничивается одними формальными знаніями.

Вотъ, что я понимаю подъ наукою и думаю, что всякій, кто въ университетѣ вникъ въ ея сущность, никогда съ нею не разстанется и внесетъ ее въ жизнь—это будетъ химикъ, который двинетъ русское производство, юристъ, который станетъ охранять наши права, а не судить по буквѣ, учитель, который вселитъ въ своихъ ученикахъ любовь къ ученью, а не ненависть.

И всѣ тѣ, которые полюбили науку въ университетѣ, будутъ продолжать ей служить — иначе оно невозможно! Это такая любовь, разстаться съ которой нельзя, и счастливы всѣ тѣ, кому наука открыла свои сокровища. Счастливымъ считаю я всякого кто въ состояніи учиться въ университетѣ и можетъ вникнуть въ лучшее, что существуетъ на землѣ, получаетъ доступъ къ сокровищамъ цивилизаціи—всему тому, что выработано до сихъ поръ людьми самого цѣннаго. И всѣ науки связаны. Когда вы интересуетесь и полюбите одну изъ нихъ, вы не можете равнодушно отнестись къ другимъ. Онѣ всѣ будутъ одинаково дороги, всегда васъ будетъ интересовать отношеніе одной науки къ другой, и вы не захотите быть узкимъ спеціалистомъ.

Я не допускаю возможности поверхностнаго отношенія къ наукѣ, когда изучаешь одну изъ нихъ—одно выключаетъ другое. Тотъ, кто основательно знаетъ что-нибудь одно, не довольствуется верхушками и въ другихъ наукахъ; это есть ходъ развитія науки живой, захватывающей всего человѣка, представители которой не могутъ ей не отдаваться. Та-

Digitized by Google

кою наукой я и считаю науку университетскую. Если въ университетахъ не любятъ науки, то они перестаютъ быть разсадниками науки или живого всеобщаго знанія.

И все то, что университетъ дѣлаетъ для науки, онъ совершаетъ для жизни.—Жизнь развивается въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ учатся въ университетахъ, и всѣ тѣ, которые полюбятъ науку, внесутъ ее и въ жизнь и поведутъ Россію дальше.

Все то, что могутъ сдѣлать для народа школы ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что въ состояніи совершить университетъ потому что что такое народъ безъ насъ, т. е. безъ образованыхъ людей? Я считаю, что у насъ ихъ слишкомъ мало. Соль земли или Россіи это образованые люди, и вы, которые будетъ управлять ею со временемъ, отъ васъ зависитъ будущее Россіи, и Россія станетъ такою, какою вы ее сдѣлаете. Потому мнѣ бы и хотѣлось, чтобъ вамъ было ясно, какую отвѣтственность вы несете. Вы несете знамя образованія, и отъ васъ зависитъ все наше будущее.

Что можетъ сдѣлать крестьянинъ, хотя бы и учившійся въ народной школѣ? Тѣ знанія, которыя онъ пріобрѣлъ, то, насколько онъ сталъ сильнѣе, вѣдь это капля въ морѣ! И не надо обольщать себя излишними надеждами. Мы покроемъ Россію народными школами, мы даже сдѣлаемъ народное обученіе, обязательнымъ и это все еще будетъ капля въ морѣ въ сравненіи съ чѣмъ, что вы, наша молодежь, не будете учиться въ университетахъ, потому чего, повторяю опять, что можетъ крестьянинъ, хотя бы онъ и кончилъ народную школу? Вѣдь онъ все равно у васъ въ рукахъ—у васъ будущихъ правителей Россіи—отъ

Digitized by Google

васъ зависитъ дать Россіи все то, чего намъ еще недостаетъ, а не достаетъ намъ очень многое. Я всегда съ грустью думаю объ этомъ, когда читаю въ газетахъ, что въ нашей жизни есть двѣ панацеи—школа и уничтоженіе тѣлеснаго наказанія. Найти такія двѣ панацеи и на нихъ успокоиться, конечно, просто, это гораздо проще и спокойнѣе, чѣмъ знать все то, чего не достаетъ, понять, что нужно много, очень много.

Если спросить меня, что нужно, то я скажу, чтобъ всѣ тѣ, которые управляютъ Россіею, всѣ тѣ маленькіе винтики, безъ которыхъ немыслима машина, были гораздо образованнѣе, чѣмъ они теперь, а образованіемъ я считаю то, чтобъ не отдѣлять теорію отъ жизни, вносить свои знанія въ жизнь и относиться къ дѣлу добросовѣстно. Въ этомъ послѣднемъ я и вижу корень зла нашей жизни—я всего менѣе замѣчаю въ Россіи добросовѣстное отношеніе каждаго къ своему дѣлу.

Простите, если я скажу, что то самое, что вы дѣлаете въ университетѣ, дѣлаютъ всѣ въ жизни. Вы не хотите учиться, а желаете преобразовывать Россію въ то время, когда вамъ нужно учиться, чтобы дѣйствительно преобразовать ее потомъ, ею управляя, или вести ее дальше. Въ 20 лѣтъ силы идутъ на преобразованіе Россіи, а въ 40 ихъ не хватаетъ, и вы успокоитесь на лаврахъ, какъ успокоились очень многіе изъ вашихъ предшественниковъ, преобразовывавшіе Россію въ университетѣ, а на своихъ мѣстахъ махнувшіе на нее рукою!

Ничего вѣдь нѣтъ легче, какъ исполнять свои обязанности недобросовѣстно, махнуть рукою и успокоиться на лаврахъ! Сколько добра можетъ сдѣлать

Digitized by Google

всякій на своемъ мѣстѣ для того же народа, о которомъ такъ много повидимому радѣютъ столько пишутъ объ устройствѣ для него школъ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Говоря съ народомъ мнѣ никогда еще не приходилось слышать тѣхъ жалобъ, которыя якобы исходятъ отъ народа. У насъ въ Московской губерніи уже давно не примѣняется тѣлесное наказаніе, и крестьяне постоянно жалуются на то, что въ народѣ нѣтъ страха. Школъ у насъ много, и не могу сказать, чтобы крестьяне ими не интересовались, хотя интересуются почти исключительно практическою стороною дѣла тою самою стороною, которою вѣдь интересуются и образованные классы, посѣщая учебныя заведенія: наука нужна для дипломовъ, какъ имъ, такъ и намъ.

И вотъ среди этого сравнительно цивилизованнаго крестьянства, потому что молодежь почти вся грамотна, звучитъ одинъ мотивъ жалобъ, очень интересный мотивъ: это то самое, что составляетъ рѣзкую грань между заграничной жизнью и русской. Крестьяне постоянно жалуются на то, что къ нимъ относятся, какъ „къ мужику“, по ихъ словамъ. „Куда я ни приду, всегда жди, вамъ дадутъ, а я жди“, увѣряютъ они, „а вѣдь мнѣ время, какъ дорого“!

И я иногда сижу безъ почты, потому что ему, крестьянину, скучно дожидаться. Наши формы жизни, это существующее у насъ отношеніе къ публикѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ начинаютъ тяготить крестьянъ, сознающихъ уже неудобства этихъ формъ. Масса формальностей, съ которыми связанъ всякій шагъ, я считаю давно отжившими, и то дѣйствительно живое дѣло, котораго жаждетъ обновленная Россія—это

Digitized by Google

устраненіе этихъ обветшавшихъ формъ нашей жизни.

Что же сказать о насъ, образованныхъ людяхъ? Вѣдь и намъ время дорого. Всѣ наши учрежденія устроены такъ, что у насъ на первомъ планѣ стоитъ форма, а изъ-за формы забыто дѣло, и то дѣло, которое предстоитъ теперь Россіи, то, о чемъ должны подумать всѣ желающіе преобразовать Россію, то, что мы давно выросли изъ стараго платья. Тѣ, которые желаютъ вести Россію дальше, должны задуматься надъ строемъ нашей жизни и сдѣлать все въ томъ направленіи, чтобъ замѣнить древнія формы жизни, разсчитанныя на то, когда время не было деньгами на тѣ новыя, въ которыхъ нуждается уже крестьянинъ не знающій, что для него существуютъ лишь двѣ панацеи и ушедшій дальше, чѣмъ мы предполагаемъ, потому что разсужденіе о томъ, что время дорого—разсужденіе человѣка цивилизованнаго. И вездѣ, гдѣ нашему московскому крестьянину приходится сталкиваться съ людьми образованными, онъ не можетъ не прійти къ убѣжденію, что время еще не деньги—онъ всегда ждетъ и воображаетъ, что ждетъ, потому что мужикъ. Но, какъ я говорю, онъ горько заблуждается, потому что отъ формъ нашихъ страдаемъ всѣ мы.

И всѣ тѣ, которые вѣдаютъ дѣла и желаютъ вести впередъ Россію, должны обратить вниманіе на это именно отличіе Россіи отъ Европы, на удобства жизни тамъ и неудобства у насъ, стараться замѣнить устарѣвшія формы новыми, болѣе соотвѣтствующими ходу жизни, потому что жизнь ушла впередъ, и формы не удовлетворяютъ даже такихъ, по общепринятому мнѣнію, неприхотливыхъ обывателей, какъ крестьяне. Ихъ уже тяготитъ строй, не принимающій во вни-

Digitized by Google

маніе интересовъ личности. строй. являющійся лишь теоріею.

По буквѣ такой строй хорошъ. а на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое. И вотъ это самое размышленіе надъ жизнью, то. что надо жить не по буквѣ. а развить нашу жизнь и ее совершенствовать и лежитъ на обязанности насъ всѣхъ. А мы. теоретики. которые студентами хотимъ преобразовать Россію. остаемся теоретиками же. когда чиновники.—требуемъ только исполненія однихъ формальностей. забываемъ. что служимъ обществу и должны стараться измѣнить формы и не служить буквѣ. Только тогда дѣло и Россія пойдутъ впередъ! Сколько у насъ впереди дѣла. сколько мы можемъ еще сдѣлать и. надѣюсь я. сдѣлаемъ!

Только помните. что мы сдѣлаемъ. когда поймемъ. что быть образованнымъ и понимать. что нужно Россіи не дается само собою, что для этого надо полюбить науку. а когда же ее можно полюбить. какъ не въ молодости? Потомъ начинается практическая жизнь со всѣми ея запросами. и человѣкъ изъ революціонера обращается въ формалиста—явленіе у насъ самое обыкновенное.

Тотъ. кто преобразовываетъ Россію въ университетѣ. на дѣлѣ ничего не сдѣлаетъ для ея преобразованія. и потому что у насъ черезъ-чуръ много революціонеровъ, а настоящихъ преобразователей Россіи слишкомъ мало. общественный строй улучшается такъ медленно и наша жизнь полна неудобствъ. если сравнить ее съ жизнью заграничною.

Мы слишкомъ много занимаемся теоріями и слишкомъ мало вниманія обращаемъ на дѣло или на улучшеніе самой жизни. мы слишкомъ часто забываемъ.

Digitized by Google

что сами управляемъ Россіею, государство имѣетъ то управленіе, которое даетъ ему общество.

И потому будемъ думать не о теоретическомъ преобразованіи Россіи въ университетѣ, не о фантастическомъ подготовленіи къ фантастической же борьбѣ, а о настоящемъ подготовленіи къ борьбѣ, въ которую нужно вступить съ жизнью. Вамъ прійдется бороться, если вы хотите блага Россіи, и то единственное оружіе, съ помощью котораго вы можете побѣдить, то лучшее, отъ котораго вы отворачиваетесь въ университетѣ, это наука. Какъ же вы будете бороться? Во имя чего и чѣмъ? Разъ вы отвергаете самое свѣтлое, что есть, то должны погибнуть, и будетъ гибнуть съ вами и Россія, дѣйствительно жаждущая свѣта или науки—тотъ самый народъ, о которомъ вы не можете не думать, потому что хотите вѣдь помогать народу, дѣлаясь революціонерами. А помочь вы ему можете, какъ и намъ всѣмъ! Наше будущее въ вашихъ рукахъ.

Если вы полюбите науку и будете учиться, то совершится то самое, о чемъ вы мечтаете — вы внесете свѣтъ науки въ жизнь и дѣйствительно преобразуете Россію. Вы не узнаете Россіи, если будете ей дѣйствительно служить, и ваши будущіе потомки, всѣ тѣ, которые будутъ пользоваться плодами вашихъ трудовъ—васъ будущихъ правителей Россіи, васъ благословятъ. Вы дѣйствительно окажете имъ благодѣяніе.

Какъ бы мнѣ хотѣлось дожить до этого времени и увидѣть новую Россію, гдѣ наука вольется живою струею въ жизнь и не будетъ больше между ними разлада. У насъ будетъ тогда то лучшее, что и со-

Digitized by Google

ставляетъ зерно цивилизаціи. Я твердо вѣрю въ то, что оно у насъ будетъ, и это потому что я глубоко вѣрю въ будущее Россіи. Сколько бы у насъ ни было еще увлеченій, мы станемъ выше ихъ, какъ одолѣли уже многое другое, и будемъ вмѣстѣ съ другими народами Европы нести знамя цивилизаціи. Мы не ниже ихъ!

Digitized by Google

VI.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Что такое жизнь и что такое смерть?

Мы не знаемъ ни того, ни другого, потому что если бы мы знали, что такое жизнь, то знали бы и что такое смерть, и не было бы тогда той страшной загадки, среди которой мы живемъ.

Мы обыкновенно считаемъ, что знаемъ, что такое жизнь, и не знаемъ только, что такое смерть.

Но такъ-ли это? Правда ли, что мы знаемъ, что она такое?

Что выше всего цѣнимъ мы въ жизни?

Вѣдь свою личность.

Почему намъ такъ страшна смерть?

Потому вѣдь, что этой личности не будетъ, не будетъ слѣдовательно того, что намъ всего дороже.

Жить не что иное, какъ развивать свою личность. Синонимъ нашей жизни это личность, синонимъ всей жизни или жизни вселенной безличіе. Во вселенной нѣтъ личности, ее знаетъ только одинъ человѣкъ, и въ

Digitized by Google

этомъ заключается глубокое различіе между нимъ и остальною природою. Личность это источникъ нашего лучшаго, то самое, что заставляетъ насъ работать, сознавая себя не только механизмомъ, а чѣмъ-то, что пусть и будетъ ничто передъ вѣчностью, отлично отъ всего существующаго и дорого тѣмъ, что оно не повторяется, едино въ своемъ родѣ, и разстаться съ чѣмъ мы всего менѣе въ состояніи.

Пусть погибнетъ весь міръ и останусь я, гласитъ формула эгоизма, въ которой находитъ себѣ выраженье чувство самосохраненія, доведенное до послѣдней степени или до тупости. Когда мы дѣлаемъ шагъ отъ личности къ безличію, разстаемся съ своею личностью, хотимъ безличія, мы сдѣлали шагъ, выше и лучше котораго нѣтъ другого, потому что поднялись до безличія. Мы постигаемъ въ такомъ случаѣ, что наша личность ничто передъ безличіемъ, есть нѣчто высшее, чѣмъ она, и достичь это высшее для насъ всегда трудно.

Тотъ, кто когда-нибудь чувствовалъ себя единымъ съ природою и въ эти минуты забылъ, что онъ я, забылъ всѣ свои горести и болѣзни, знаетъ, какая глубокая поэзія заключается въ этомъ сознаніи и понимаетъ, почему всѣ великіе поэты были пантеистами.

Что можетъ быть глубже того, чтобы сжиться съ своимъ будущимъ, именно съ тѣмъ, что въ этомъ будущемъ мы предназначены къ тому, чтобы слиться съ природою? Таковъ вѣдь нашъ удѣлъ и предѣлъ.

Было время, когда мы составляли одно единое съ природою, и время это придетъ опять! Это то одно, что для всѣхъ вполнѣ несомнѣнно, тотъ единственный

Digitized by Google

фактъ, съ которымъ согласны всѣ безъ исключенія люди и будутъ всегда согласны.

Чѣмъ болѣе мы отдаляемся отъ всякихъ злобъ дня и яснѣе отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что такое человѣкъ, тѣмъ мы становимся выше и лучше. Всего яснѣе сознаемъ мы это, когда думаемъ о томъ, чѣмъ были и что будемъ. Тогда мы постигаемъ ничтожество всѣхъ тѣхъ мелочей,—которыми окружены, всего того, что въ обыкновенное время составляетъ для насъ злобу или интересъ дня. Мы тѣмъ выше, чѣмъ больше и чаще отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что это мелочи.

Вся ли жизнь мелочь?

Мнѣ кажется, что нѣтъ. Я считаю, что прожить такъ, какъ велитъ совѣсть, не легко, а это иначе всегда помнить, что человѣкъ нуженъ лишь, какъ звено цѣлаго—онъ имѣетъ цѣнность только, поскольку служитъ этому цѣлому.

Когда же мы считаемъ цѣлью самихъ себя, строимъ міръ изъ себя, каждый является микрокозмомъ. Это самое грустное явленіе, которое только можетъ быть, потому что каждый самъ по себѣ ничто и когда каждый будетъ служить только самому себѣ, во что тогда обратится міръ?

Только когда мы сдѣлаемъ этотъ шагъ, вселенная представляется намъ во всей своей цѣлостности—это та вселенная, центромъ которой не служитъ человѣкъ. Мы знаемъ, что не она существуетъ для насъ и не мы для нея и что существованіе для кого-нибудь и для чего-нибудь лишь наше человѣческое понятіе, понятіе ограниченное и низменное.

Digitized by Google

Намъ иногда кажется, что съ понятіемъ о цѣли связывается что-то очень глубокое и высокое.

Но такъ ли это и гдѣ источникъ для такого воззрѣнія?

Можно, пожалуй, считать такой взглядъ однимъ изъ самыхъ горькихъ заблужденій человѣческаго рода — idolum tribus по Бэкону. Всякая цѣль содержитъ что-нибудь за собою, или, говоря проще, въ ней заключается какая-нибудь выгода; вотъ это-то понятіе о выгодѣ и обращаетъ понятіе цѣли въ нѣчто гораздо болѣе ограниченное и низменное, чѣмъ мы отдаемъ себѣ въ томъ часто отчетъ.

Цѣлесообразность личности есть, конечно, то, въ чемъ заключается апогей нашихъ желаній и стремленій, и она же является вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществленіемъ крайняго эгоизма, ея апогеемъ одновременно.

Потому-то подняться до безличія есть высшее, что намъ доступно, это уничтоженіе эгоизма въ самомъ его корнѣ, отказъ отъ желанія, чтобы торжествовала личность, проникновеніе въ то, что наша жизнь не представляетъ собою всего, а есть то малое, что не можетъ не подчиняться всецѣлому.

Но подняться до безличія не значитъ начинать съ того, чтобы быть безличнымъ. Человѣкъ тѣмъ болѣе вѣдь становится личностью, чѣмъ онъ развитѣе. Чѣмъ болѣе сознаетъ онъ свое я, тѣмъ цѣльнѣе и обособленнѣе то, что составляетъ міръ личности и тѣмъ страшнѣе потому для нея смерть. Чѣмъ меньше развита личность, тѣмъ, напротивъ, легче мирится она съ мыслью о смерти.

Самоубійство является никогда признакомъ недостаточнаго развитія личности, несознаніемъ того, что

Digitized by Google

теряется: теряется то, цѣнность чего мы не знаемъ, именно жизнь, получается взамѣнъ то, что всегда наше и отъ насъ никогда не уйдетъ — смерть. За минуты недовольства жизнью, потому что въ каждомъ самоубійствѣ коренится недовольство, отдается она вся. Самоубійца бросаетъ жизнь, потому что его не удовлетворяетъ ея оболочка, и этимъ самымъ объясняется, что разстаются съ жизнью слишкомъ легко и любя то, что въ дѣйствительности этого не заслуживаетъ.

Лучшее, что существуетъ для насъ, это возвыситься до такого пониманія міра, чтобы хотѣть слиться съ природою, перестать дорожить своимъ я, сознать, что въ круговоротѣ жизни это я ничто, и оно цѣнно лишь, поскольку подчиняется всеобщей жизни и мирится съ тѣмъ, что оно само не центръ. Тогда только будетъ достигнуто высшее, что доступно человѣку въ наше время, совершенъ великій шагъ отъ личности къ безличію.

Онъ не менѣе великъ, чѣмъ былъ то первый отъ безличія къ личности, сознаніе различія человѣка и вселенной, какъ второе—сознаніе ихъ сродства или солидарности, употребляя выраженіе Гюйо.

Люди имѣютъ смыслъ лишь поскольку они забыли свое я. Великъ лишь тотъ, кто не ставитъ выше всего это я, никто не великъ, когда думаетъ о себѣ. Всегда синонимомъ ничтожества останется Геростратъ и синонимомъ глупости людей то, что мы можемъ назвать это имя.

Отречься отъ своей личности, чтобы дѣйствовать, есть иначе ее *возвысить*. Возвышеніе личности можетъ служить средствомъ къ тому, чтобы дѣлать

Digitized by Google

добро. Если же кто-нибудь дѣйствительно дорожитъ своими внѣшними успѣхами, то онъ не достигъ, слѣдовательно, еще той необходимой степени совершенства, безъ которой онъ не можетъ быть полезенъ.

Я потому придаю значеніе людямъ, которые чего-нибудь достигли, что такимъ образомъ для нихъ уничтожается весьма многое, что иначе имѣло бы цѣну. Успѣхъ возвышаетъ людей, поднимаетъ ихъ надъ мелочами жизни, которымъ они въ силу того, что достигли, не могутъ уже больше придавать значеніе. Тотъ же, кто не достигъ, обыкновенно винитъ не себя, а другихъ, считаетъ себя выше на томъ основаніи, что его не поняли и не оцѣнили, и запирается въ своемъ я. Онъ становится потому хуже, измѣняетъ призванію человѣка творить, избираетъ иное—разрушать. Онъ не только не прощаетъ міру своего неуспѣха, но и успѣха другихъ. Зачѣмъ признаютъ другихъ, когда не признали меня—точка зрѣнія обязательная для тѣхъ, которые сами ничего не достигли.

И потому то я такъ и цѣню успѣхъ и нахожу, что онъ живитъ и укрѣпляетъ во всемъ хорошемъ.

Всего чаще случается, что пробивается тотъ, кто служитъ другимъ и забываетъ о своемъ я. Не зарывать самому своихъ талантовъ и не позволять ихъ зарывать другимъ—есть идеалъ энергичнаго человѣка или то, что называется имѣть успѣхъ.

Вся наша жизнь движется въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ—мы ихъ разрѣшаемъ для того, чтобы никогда не разрѣшить. Противорѣчіе—самое появленіе наше на свѣтъ, противорѣчіе - этотъ міръ, полный ужасовъ, которому мы принадлежимъ, и лучше

Digitized by Google

его ничего не можемъ себѣ представить. И когда я жажду другого, то это вѣдь только недоразумѣніе. Въ сущности мы не хотимъ ничего другого, какъ только жизни и всегда жизни. Когда мы вдумаемся въ то, что такое жизнь, мы знаемъ лишь то одно, что этотъ самый міръ, эта самая жизнь, сколько бы они насъ ни терзали, составляютъ наше лучшее. Нельзя не терзаться и не томиться, когда наша жизнь представляетъ глубокое противорѣчіе, наша любовь къ жизни вѣдь не что иное, какъ любовь къ тому, что въ сущности ничто. Жизнь это исчезновеніе, и не въ нашей власти не исчезать. Но можемъ ли мы представить себѣ вѣчность? Одна мысль о вѣчности насъ пугаетъ, т. е. мы не въ состояніи представить себѣ, что она такое. Міръ, который вѣчно будетъ существовать, не нашъ міръ. Мы не можемъ представить себѣ вѣчность, сколько бы ни старались, потому что наша сущность—начало и конецъ, то самое, что идетъ въ разрѣзъ съ вѣчностью. Мы понимаемъ, что такое начало и конецъ, не понимаемъ и никогда не поймемъ вѣчности.

Жить для людей развитыхъ,—есть иначе обобщать или отвлекать. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего обобщеннаго или отвлеченнаго: оно существуетъ лишь для насъ, только субъективно.

И въ этомъ заключается вѣчное противорѣчіе. Чѣмъ больше мы углубляемся въ познаніе, тѣмъ далѣе уходимъ отъ той области, гдѣ есть вѣчное и преходящее, добро и зло, справедливое и несправедливое.

А что такое добро, что такое справедливость?

Въ области нравственности у насъ нѣтъ другой

Digitized by Google

мѣрки кромѣ совѣсти. Но чья совѣсть права? Какъ только я выхожу изъ своего я и становлюсь на мѣсто другого, мнѣ дѣлается страшно, пусть я и знаю, что на землѣ не можетъ быть ни равенства, ни совершенства. Но все же мнѣ страшно, когда я становлюсь на мѣсто этого другого, который думаетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ думаю я; я спрашиваю себя, гдѣ правда, и начинаю всматриваться въ себя. Въ обыкновенное время я считаю себя человѣкомъ не совсѣмъ плохимъ, однимъ изъ многихъ а тутъ я вижу передъ собою бездну своего непониманія.

Чего я хочу? Какъ живу? Я знаю, что должна стать лучше и открываю въ себѣ бездну эгоизма, открываю даже тогда, когда думаю о другихъ. Я хочу отъ людей больше, чѣмъ имъ даю, требую отъ нихъ часто то, на что не имѣю права.

Мнѣ вѣдь хочется, чтобы меня любили, мнѣ даже кажется, что въ этомъ заключается цѣль жизни, а это вѣдь эгоизмъ, и когда я задумываюсь надъ этимъ своимъ эгоизмомъ, мнѣ невольно становится страшно. Сколько противорѣчія въ моей любви и какое глубокое противорѣчіе уже заключается въ самомъ понятіи о любви.

Вездѣ, гдѣ люди, тамъ и противорѣчіе. Вѣчность, познаніе и любовь, тѣ три противорѣчія, въ которыхъ протекаетъ наша жизнь. Она сама противорѣчіе и самое большое изъ нихъ—не вѣчность, не познаніе и не любовь.

Мы не можемъ любить другихъ, а любимъ только себя, не можемъ познавать истину, не въ состояніи представить себѣ вѣчность.

Итакъ, когда мы вдумаемся въ то, что такое

Digitized by Google

жизнь, и хотимъ разгадать, что такое смерть, то не можемъ не спросить себя, слѣдуетъ ли намъ бояться смерти разъ, что сама жизнь намъ неизвѣстна, и насъ должно страшить не то, что мы умремъ, а то, что мы живемъ и не знаемъ, что такое жизнь.

Можно ли не бояться жизни? Если же она страшна, и мы свыкаемся со всѣмъ тѣмъ, чего не знаемъ, то, что страшнаго въ смерти?

Смерть откровеніе или это тотъ моментъ, который можетъ дать ключъ ко всему тому, чего мы теперь не знаемъ. Если мы жаждемъ сверхчеловѣческаго познанія, то дать его намъ можетъ только смерть. Сколько бы мы ни узнали въ жизни, вѣчно не разгаданными останутся тѣ вопросы, въ которыхъ заключается сущность философіи. Они никогда не будутъ разгаданы, и вся жизненность и вѣчность философіи состоитъ въ томъ, что ей не страшна смерть. Это есть то самое, въ чемъ сходятся всѣ великіе философы. Всѣ они подчеркнули то, что для философа должно быть лучше умереть, чѣмъ жить, и подчеркнули, потому что въ смерти скрыто то познаніе, котораго жизнь не даетъ, а смерть можетъ раскрыть.

Если насъ когда-нибудь страшитъ смерть, мы должны вспомнить, какъ страшна жизнь, а мы часто равнодушно относимся къ тому, что составляетъ глубокую и страшную загадку. Загадка—наше появленіе на минуту изъ бездны, а не только исчезновеніе въ ней.

Для чего мы вышли изъ нея?

Можетъ ли насъ страшить та самая бездна, изъ которой мы вышли и куда войдемъ? Не страшнѣе ли то, что мы живемъ минуту, и не блѣднѣютъ ли въ

Digitized by Google

сравненіи съ тѣмъ, что жизнь минута, всѣ наши печали?

Я думаю, что мысль о смерти одна изъ освѣжающихъ насъ хорошихъ мыслей—это нашъ маякъ тамъ, гдѣ такъ много подводнаго. Маякъ этотъ позволяетъ совсѣмъ иначе относиться къ тому, что только камни, и кто чаще думаетъ о томъ, что жизнь лишь появленіе и исчезновеніе, тотъ только и можетъ ее одухотворить. Это тотъ, кто больше любитъ другихъ, меньше придаетъ значенія всему тому, что дѣлаетъ наше появленіе на свѣтъ не тѣмъ, чѣмъ оно должно бы быть.

Мысль о смерти можетъ быть несчастною мыслью, когда она всецѣло поглощаетъ собою человѣка, и онъ вмѣсто того, чтобы думать о жизни, думаетъ о смерти.

Зачѣмъ намъ въ такомъ случаѣ дана жизнь?

Она даръ, и всякимъ даромъ дорожатъ.

Будемъ же дорожить жизнью и ее улучшать разъ, что мы ею дорожимъ, и если мы не боимся жизни и миримся со всѣми ея противорѣчіями, почему намъ бояться смерти?

Страшна вѣдь не только смерть, страшна и жизнь, и мы слишкомъ часто это забываемъ и слишкомъ мало задумываемся надъ тѣмъ, что она такое.

Потому-то она часто такъ ничтожна, и дѣлаемъ ее ничтожною мы сами, не желая надъ нею задуматься.

Не будемъ забывать, что жизнь загадка, и какъ многое что скрасится, что удручаетъ насъ теперь, какъ многое другое оживетъ и оживитъ.

Digitized by Google

VII.

ДВА СЛОВА ОБЪ АСКЕТИЗМѢ.

Для того, чтобъ дать нѣкоторое понятіе о современномъ русскомъ аскетизмѣ, я приведу нѣсколько изреченій изъ книги Влад. Соловьева. „Оправданіе добра“ и статьи Аврелина „Секретъ творчества“ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ (кн. 17).

У Соловьева встрѣчается слѣдующее раздѣленіе человѣка, котораго онъ, впрочемъ не вездѣ придерживается:

„Понятіе *о плотскомъ* не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіемъ *о тѣлесномъ*. Тѣло есть „храмъ духа“, тѣла могутъ быть „духовными“, „прославленными“, тогда какъ плоть и кровь царства Божія не наслѣдуетъ.“

„Плоть есть животность возбужденная, выходящая изъ своихъ предѣловъ, перестающая служить матеріей или скрытою (потенціальной) основою духовной жизни—чѣмъ по существу своему должна быть жизнь животная, какъ съ физической, такъ и съ психической своей стороны.“

Digitized by Google

„Плоть (т. е. животная душа, какъ самостоятельная, сильна только слабостью духа, живетъ только его смертью. А потому и духъ для своего сохраненія и усиленія требуетъ ослабленія плоти, переведенія ея изъ дѣйствующаго состоянія въ потенціальное."

Но авторъ отступаетъ отъ своего мистическаго раздѣленія человѣка на тѣло и плоть, когда говоритъ:

„Борьба за власть надъ тѣломъ происходитъ въ области физической—питаніе и размноженіе и въ области духовной."

Мы не находимъ никакихъ указаній на то, какъ ведется борьба въ области духовной, что же касается физической борьбы, то она описывается весьма подробно.

Это во 1-хъ, воздержаніе отъ пищи.

„Постъ всегда и вездѣ составляетъ одно изъ основныхъ требованій нравственности, говоритъ Соловьевъ—избытокъ питанія обусловливаетъ перевѣсъ физической жизни надъ духовной."

Но Соловьевъ требуетъ не поста христіанскаго, а поста вегетаріанскаго опираясь притомъ на физіологію.

„Мясо легче и полнѣе претворяется въ кровь, скорѣе и сильнѣе повышаетъ энергію плотской жизни, объясняетъ онъ, и „воздержаніе отъ мясной пищи безъ сомнѣнія можетъ утверждаться какъ всеобщее требованіе."

Далѣе слѣдуетъ воздержаніе отъ половой жизни.

„Плотское условіе размноженія для человѣка есть зло; въ немъ выражается перевѣсъ безсмысленнаго матеріальнаго процесса надъ самообладаніемъ духа,

Digitized by Google

это есть дѣло, противное человѣческому достоинству, гибель человѣческой любви и жизни, нравственное отношеніе къ этому факту должно быть рѣшительно отрицательное: мы должны стать на путь его ограниченія и упраздненія, а когда и какъ совершится это упраздненіе во всемъ человѣчествѣ или хотя бы въ насъ самихъ, это вопросъ вовсе не принадлежащій къ нравственной области."

Въ 3-хъ и въ 4-хъ:

„Пріобрѣтай власть надъ дыханіемъ и сномъ".

„Постепеннымъ упражненіемъ легко достигнуть того, чтобы не дышать ртомъ ни во время бодрствованія, ни во снѣ, а затѣмъ дальнѣйшимъ шагомъ буетъ умѣнье удерживать всякое дыханіе на болѣе или менѣе продолжительное время."

Борьба съ дыханіемъ занимала одного изъ предшественниковъ Соловьева на почвѣ аскетизма, аскета въ жизни Нила Сорскаго въ XVI в.

Таковы четыре войны, которыя, по мнѣнію Соловьева ведутся съ тѣломъ.

Аврелинъ не входитъ въ такое подробное разсмотрѣніе средствъ борьбы, какъ Соловьевъ, а говоритъ только слѣдующее:

„На плохой пищѣ и водѣ, иногда въ дурномъ воздухѣ и въ скверныхъ конурахъ при истощающей организмъ работѣ, при недостаткѣ сна и покоя выросло много геніальныхъ людей."

— „А если кто богатъ и счастливъ, то въ немъ проявляются таланты и духовныя силы только при искусственномъ ограниченіи тѣлесныхъ влеченій, при непрерывной и непрестанной борьбѣ съ торжествую-

Digitized by Google

щимъ зміемъ. Для этого онъ насильно будетъ заставлять себя не досыпать, не доѣдать, жить цѣломудренно, работать много“ и т. д.

„Духъ бодръ, плоть немощна.“

Но чтобъ духъ былъ бодръ, надо бороться съ немощами плоти.

Для чего ведется эта борьба?

„Подчиняй плоть духу, (насколько это нужно для его достоинства и независимости, говоритъ Соловьевъ, самосохраненіе духа есть прежде всего сохраненіе его самообладанія—это есть главное во всякой истинной „аскезѣ“.

И, такъ, сохраненіе самообладанія духа является основнымъ началомъ аскетизма.

Ради сохраненія самообладанія ведется борьба съ тѣломъ, и тѣло должно быть унижено.

Что сказать о такомъ основномъ началѣ?

Не ясно-ли то одно, что тѣлу придается большое значеніе. Весьма характеристично то, что духъ можетъ торжествовать только, когда унижено тѣло, и духъ начало сильное требуетъ униженія тѣла (начала слабаго). Не заключается ли въ такомъ отношеніи духа къ тѣлу глубокое противорѣчіе и не заставляетъ ли подобной выводъ задуматься надъ самимъ принципомъ аскетизма? Не слишкомъ ли велико въ аскетизмѣ уваженіе къ тѣлу (или къ плоти), къ тому, что немощно само по себѣ, тогда какъ духъ бодръ?

Въ чемъ же состоитъ эта бодрость духа?

По воззрѣнію аскетизма оказывается, напротивъ, что немощенъ духъ, если онъ требуетъ для того, что-

Digitized by Google

бы жить и бодрствовать такъ много отъ несчастнаго тѣла. Духъ напоминаетъ здѣсь тѣхъ двухъ щедринскихъ генераловъ, которые могли существовать лишь съ помощью мужика, бѣднаго мужика. Интересно, что именно по воззрѣнію аскетизма духъ ставится въ слишкомъ большую зависимость отъ тѣла.

Еслибъ такъ смотрѣли на духъ матеріалисты, это было бы естественно. Но какъ можетъ существовать подобная точка зрѣнія тамъ, гдѣ не должно бы быть рѣчи о матеріализмѣ.

Аскетизмъ покоится на столпахъ дуализма и считаетъ незыблемой истиной раздѣленіе человѣка на двѣ части. А между тѣмъ основное положеніе дуализма не есть аксіома и еще само требуетъ доказательства. Что такое душа безъ тѣла, мы не знаемъ, а знаемъ только то, что тѣло безъ души перестаетъ быть тѣломъ. Одинаково какъ ясно и то, что человѣкъ составляетъ нѣчто цѣлое и единое, и ослабить одну изъ частей значитъ нарушить гармонію цѣлаго.

Не выше ли и не идеальнѣе ли то воззрѣніе, которое не требуетъ, чтобы для развитія духа тѣло было непремѣнно унижено, и не слѣдуетъ ли предпочитать аскетамъ людей развитыхъ разностронне, а слѣдовательно гармонически.

Аскетъ никогда не въ состояніи совершить такъ много, какъ можетъ это сдѣлать тотъ, кто сознаетъ, что подобная точка отправленія уже заключаетъ въ себѣ извѣстную узость. Мучить тѣло, съ цѣлью возвысить духъ значитъ—не вѣрить въ духъ! Напр., если я не сплю, чтобы не давать просторъ моему тѣлу, это аскетизмъ, когда же у меня есть работа или за

Digitized by Google

бота, разстаться съ которыми я не могу, совершается само собою то, что сонъ отходитъ на второй планъ: духъ покоряетъ тѣло, въ силу того, что онъ духъ, или говоря проще, когда я живу повышенною духовною жизнью, то часто не могу спать, причемъ вовсе не думаю о томъ, чтобы себя мучить, не считаю подвигомъ то, что не сплю, и благодаря этому ослабляется мое тѣло. Заслуга вовсе не въ томъ, въ чемъ полагаютъ ее аскеты. Значеніе имѣетъ лишь то, на что направлены мои мысли, плодотворна ли моя умственная работа, справедливъ ли мой образъ дѣйствія, а тотъ фактъ, сплю ли я или не сплю, не важенъ самъ по себѣ.

То же самое надо сказать и о пищѣ. Какъ нельзя сочувствовать гастрономіи и объяденію, такъ имѣетъ темныя стороны излишнее воздержаніе. Иногда оказывается, что воздерживаться отъ пищи это придавать ей больше значенія, чѣмъ ѣсть, когда захочется.

Вѣдь случается, что при воздержаніи, мысль гораздо болѣе сосредоточивается на томъ, что является лишь средствомъ къ поддержанію силъ, а силы нужны для работы.

Вегетаріанцы придаютъ слишкомъ большое значеніе тому, что только средство. Соловьевъ говоритъ, что воздержаніе отъ мясной пищи, безъ сомнѣнія, можетъ утверждаться, какъ всеобщее требованіе, а мясо повышаетъ энергію плотской жизни.

Когда наши крестьяне, которые къ мясу не привыкли, чувствуютъ въ немъ потребность при усиленной работѣ, можно ли сказать, что и въ такомъ случаѣ нежелательно развитіе плоти? Наоборотъ, жела-

Digitized by Google

тельно, такъ какъ при мясной пищѣ облегчается работа мускуловъ, и не слѣдуетъ ли одинаково облегчить и работу мозга — эту несравненно болѣе тяжелую работу, какъ это знаемъ всѣ мы, труженики мысли? Можетъ ли служить цѣлью самоистязаніе? По моему, нѣтъ.

Что сказать о другомъ мотивѣ вегетаріанства — о жалости къ животнымъ?

Я вполнѣ понимаю такую жалость и въ тоже время считаю, что увлекаться ею это сантиментальность.

Станемъ на практическую точку зрѣнія, обойти которую въ настоящемъ случаѣ трудно, именно на точку зрѣнія сельскаго хозяина и спросимъ, куда дѣвать излишекъ рождающихся изъ года въ годъ бычковъ, барашковъ, пѣтушковъ и т. д. Я не разъ дѣлала вегетаріанцамъ этотъ вопросъ и никогда еще не получала отъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта.

Если животныхъ этихъ не ѣсть, ихъ все равно придется убивать: иначе наши домашнія животныя обратятся опять въ дикихъ. Почему убивать можно, а ѣсть нельзя?

Послѣдователи вегетаріанства не должны думать, что совершаютъ великое и славное дѣло, съ одной стороны, отказывая себѣ въ необходимомъ, съ другой, раздувая жалость къ животнымъ, тамъ гдѣ она неумѣстна.

Есть другого рода жалость, и ей часто идетъ въ ущербъ служеніе аскетическимъ идеаламъ. Служеніе это отдаляетъ человѣка отъ главнаго и существеннаго въ жизни, а главное и существенное нѣчто иное и

Digitized by Google

гораздо болѣе простое и жизненное—это жалость къ людямъ.

Разъ, что человѣкъ воспиталъ въ себѣ такую жалость, онъ не можетъ стать на точку зрѣнія аскетизма, и мысли его получаютъ иное направленіе. Идеаломъ является для него дѣятельность общественная не по формѣ, а по существу.

Но посмотримъ, что говоритъ объ аскетизмѣ самъ Соловьевъ. „Бывали и бываютъ, читаемъ мы, успѣшными аскетами не только люди, преданные духовной гордости, лицемѣрію и тщеславію, но и прямо злобные, коварные и жестокіе эгоисты. По общему признанію, такой аскетъ гораздо хуже въ нравственномъ смыслѣ, чѣмъ простодушный пьяница или сострадательный развратникъ."

Итакъ „аскетизмъ самъ по себѣ не есть добро, а слѣдовательно не можетъ быть высшимъ или безусловнымъ принципомъ нравственности. Истинный (нравственный) аскетъ пріобрѣтаетъ власть надъ плотью не для укрѣпленія формальныхъ силъ духа, а для лучшаго содѣйствія добру. Аскетизмъ, который освобождаетъ духъ отъ страстей постыдныхъ, чтобы тѣмъ крѣпче связать со страстями злыми есть ложный или безнравственный аскетизмъ, его первообразомъ, по христіанскимъ понятіямъ, слѣдуетъ признать дьявола, который не ѣстъ, не пьетъ и пребываетъ въ безбрачіи."

Если злой или безжалостный аскетъ не можетъ быть нравственно добрымъ, то значитъ самый принципъ аскетизма имѣетъ нравственное значеніе только условно, именно подъ условіемъ своего соединенія съ принципомъ альтруизма, коренящимся въ жалости.

Digitized by Google

И слѣдовательно Соловьевъ колеблетъ здѣсь самъ значеніе аскетизма въ смыслѣ уничтоженія плоти.

Вѣдь по аскетическому воззрѣнію одно уничтоженіе плоти должно сдѣлать человѣка лучше, а между тѣмъ нашъ философъ признаетъ, что аскеты бываютъ злобными, коварными и жестокими эгоистами.

Признаніе это весьма характеристично, и знаменательно то, что Соловьевъ считаетъ значеніе аскетизма лишь условнымъ.

Можетъ-ли условное служить нашимъ идеаломъ?

Духъ человѣческій стремится къ тому, что признаетъ истиною, и отнять у него такое стремленіе трудно. Пусть онъ и не достигаетъ, а все же будетъ стремиться.

Такою истиною является любовь къ людямъ, и пока будетъ существовать человѣческій родъ, истина эта останется вѣчною—въ ней нѣтъ ничего условнаго и преходящаго для насъ, людей.

Но вѣдь Соловьевъ по примѣру поссимистовъ требуетъ уничтоженія человѣческаго рода, такъ какъ считаетъ плотское условіе размноженія для человѣка зломъ.

(Размножаться должны только животныя.) А между тѣмъ, остановить размноженіе человѣческаго рода немыслимо и не нужно, большую же нравственность людей проповѣдывать должно и нужно.

Пусть лучше говорятъ намъ больше о томъ, чтобы половое совокупленіе шло рука объ руку съ духовнымъ—таковъ человѣческій идеалъ, стремиться къ которому слѣдуетъ. Превосходитъ полномочіе кого-ни-

Digitized by Google

будь изъ насъ посягать на существованіе человѣческаго рода.

Есть простое, но глубокое слово, котораго не хотятъ знать аскеты. Слово это „отдайте Богу Божье и кесарю кесарево".

Сущность этого слова заключается въ томъ, что Богъ и кесарь не враждебныя силы, какъ одинаково не враждебны душа и тѣло.

Величіе жизненной задачи въ томъ, чтобы соединять а не разъединять. Сѣять раздоръ, создавать вражду легко и просто, но не въ враждѣ, не въ раздорѣ та великая истина, которую мы носимъ въ своихъ сердцахъ, если не всегда отдаемъ себѣ въ томъ отчетъ, и она пребываетъ иногда ниже порога сознанія.

Истина эта та, что необходимо уничтожить эгоизмъ и я лишь одно изъ звеньевъ въ общей цѣпи.

Чѣмъ человѣкъ больше въ состояніи забыть свое я, тѣмъ дѣятельность его выше.

Перенести центръ изъ я въ жизнь, значитъ разстаться съ аскетическимъ идеаломъ. Аскетизмъ не что иное, какъ эгоизмъ, который заложенъ въ насъ твердо и прочно, и противъ него-то мы ведемъ вѣковую борьбу.

Аскетизмъ является противовѣсомъ общественной жизни.

Когда каждый сосредоточиваетъ вниманіе на самомъ себѣ, во что тогда обращается жизнь другихъ?

Аскетизму недоступны всѣ тѣ чудеса, которыя можетъ совершить любовь. Она сила, а не слабость не отступленіе отъ жизни, а вдохновеніе ею, вѣра въ людей и въ ихъ нравственность

Digitized by Google

Возводя въ Бога самого человѣка аскетизмъ отдаляется отъ истины. Служеніе лучшему глохнетъ въ то самое время, когда мы ведемъ борьбу съ своимъ тѣломъ. Духъ бодръ только, когда онъ дѣятеленъ, и направитъ его на то, что достойно такой дѣятельности, должно составлять цѣль нашей жизни.

Лучше аскетизмъ, чѣмъ угожденіе тѣлу, но лучше аскетизма—любить людей.

Digitized by Google

VIII.

О мужчинахъ.

Есть пошлыя истины, слова, которыя избиты, потому что бьются о камни нашего непониманія или еще большую твердыню—нежеланіе понимать, а есть другія красивыя слова, которыя, если вглядѣться въ нихъ, то это самое сказанное просто и слогомъ невысокимъ, ужаснуло бы своею дѣйствительною пошлостью,—гдѣ красива только оболочка.

Сколько такихъ словъ говорится о женщинахъ—словъ того и другого рода!

Вѣдь пошлая, ходячая истина, что женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина, и не должно существовать никакихъ преградъ къ ея образованію и дѣятельности, свободной дѣятельности.

А тутъ рядомъ тѣ другія слова о томъ, что женщина предназначена быть только женою и матерью—слова, за которыми скрывается такъ много грубаго и жестокаго мужского эгоизма, такъ много лѣни и

Digitized by Google

несознанія своего человѣческаго достоинства—эгоизма женскаго.

Какъ красиво выступаетъ этотъ эгоизмъ, рисуя свой идеалъ—die Frau gehört in die Familie—мѣсто женщины въ семьѣ, сколько фразъ, и какъ мало дѣйствительной помощи, гдѣ помощь давно нужна, люди забываютъ на дѣлѣ то, что проповѣдуютъ на словахъ. Постоянно провозглашается равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, то, что никто не имѣетъ права отговариваться незнаніемъ закона, ставятъ въ укоръ Россіи ея небольшой % грамотныхъ, а тутъ же въ Европѣ узаконено худшее изъ беззаконій—½ взрослыхъ людей лишены своихъ законныхъ правъ, и ничѣмъ инымъ, какъ фразой остается равенство всѣхъ передъ закономъ и право всѣхъ на образованіе.

Развѣ это не вопіющая несправедливость, исправить которую давно пора?

Съ несправедливостью этою свыклись всѣ настолько, что женскій вопросъ это одинъ изъ многихъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ исподволь и постепенно, гдѣ большимъ шагомъ впередъ считается хотя бы право на пенсію женщинамъ врачамъ (то самое право, которое давно пренадлежитъ учительницамъ), допущеніе женщинъ къ преподаванію новыхъ языковъ въ младшихъ классахъ мужскихъ гимназій или предоставленіе замужней женщинѣ вида на жительство, когда мужъ его не даетъ, а полиція не позволяетъ жить безъ вида.

Это все шаги и права, права и шаги, потому что мы, обездоленныя женщины не рѣшаемъ сами своей судьбы и малѣйшимъ расширеніемъ своихъ правъ обязаны мужчинамъ. Не такъ-то легко имъ разстаться съ своими правами и вотъ потому то получить ма-

Digitized by Google

лѣйшій кусочекъ какого-нибудь права составляетъ событіе въ исторіи женскаго вопроса или женскаго безправія.

О томъ, что необходимъ серьезный шагъ, никто не задумывается!

Кто бы и могъ?

Для мужчинъ это будетъ несравненно болѣе тяжелый шагъ, чѣмъ то была въ 1861 г. рѣшимость дворянства отречься отъ своихъ правъ. Права эти казались тогда одинаково несомнѣнными.

Какъ произошелъ этотъ переворотъ?

Государь просилъ дворянъ. Кто произведетъ въ настоящемъ случаѣ тотъ страшный натискъ, который необходимъ для коренного переворота. Само собою ничего не дѣлается, а тѣмъ болѣе освобожденіе, всегда тягостное для освобождающихъ, и встрѣчающее извѣстное противодѣйствіе въ самихъ освобождаемыхъ, которые вѣками рабства не подготовлены къ свободѣ. Германскіе крестьяне просили въ 1804 г. ихъ не освобождать. „Кто будетъ о насъ заботиться, когда мы больны и стары?“ спрашивали они.

А рабство женщинъ нѣчто гораздо болѣе древнее, чѣмъ то было закрѣпощеніе крестьянъ. Какъ имъ не бояться свободы!

Подготовлены ли женщины къ свободѣ?

Среди современныхъ крестьянскихъ женщинъ мнѣ приходилось слышать не мало глубокихъ словъ о невозможности того положенія, которое считается нормальнымъ. Для нихъ женскій вопросъ назрѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ то для среднихъ классовъ, гдѣ женщина чаще забываетъ ненормальность своего законнаго положенія, благодаря болѣе счастливымъ личнымъ

Digitized by Google

условіямъ, тому, что, владѣя имуществомъ, ей чаще приходится забывать о своемъ личномъ безправіи.

Но какимъ образомъ женщины могутъ воспрянуть и болѣе энергично добиваться иного положенія вещей?

Вѣками рабства пріучены онѣ къ теріѣнію. Когда умирая съ голода, онѣ стучатся въ двери и еще чаще ждутъ около этихъ дверей, то и сами гораздо болѣе удивляются не тому, что имъ не отворяютъ, а, напротивъ, отворяютъ, потому что онѣ привыкли ждать.

И если въ теоріи всѣ граждане равны передъ закономъ, никто никогда еще не слыхалъ, что можно оправдать убійцу на томъ основаніи, что это женщина, то никто одинаково не слыхалъ и того, чтобы женщины были судьями или законодателями.

Равны или неравны?

Съ одной стороны, равны, съ другой, неравны, какъ это оказывается удобнѣе и удобнѣе для мужчинъ, а никакъ не для женщинъ. Это тотъ status quo, къ которому привыкли не только мужчины, но его считаютъ законнымъ и сами женщины.

Въ зап. Европѣ ведется борьба за женскія права; у насъ же нѣтъ почти женщинъ, которыя сочувствовали бы женскому движенію, и самаго движенія если не считать депутацію нижегородскихъ бабъ, недавно явившихся къ губернатору съ жалобою на существующій порядокъ вещей.

Въ Франціи, Бельгіи, Скандинавскихъ государствахъ, Германіи и въ особенности въ Англіи вопросъ этотъ давно поставленъ на дѣловую почву.

Стоитъ взглянуть на программу Лондонскаго международнаго женскаго конгресса, куда были при-

Digitized by Google

глашены и русскія женщины, чтобы получить понятіе о томъ, какъ обширны требованія зап. европейскихъ женщинъ и серьезна ихъ работа на почвѣ уравненія женскихъ правъ.

У насъ же женскій вопросъ дебатируется болѣе мужчинами, чѣмъ женщинами, и въ немъ болѣе фразъ, чѣмъ дѣла. И это потому что женщина не стоитъ во главѣ движенія.

Никогда мужчина не можетъ чувствовать такъ глубоко несправедливость того, что значитъ быть не человѣкомъ на порогѣ XX вѣка среди фразъ о равенствѣ и не прекращающихся толкахъ о когда-то закрѣпощенныхъ людяхъ.

А давно на очереди стоитъ другой вопросъ, и онъ отодвигается подъ маской ложнаго либерализма, этими воспоминаніями о быломъ.

Это вопросъ о томъ, что мы женщины все еще не люди, не имѣемъ самыхъ простыхъ правъ и, владѣя, напр., недвижимою собственностью лишены личнаго участія въ земскихъ собраніяхъ, не пользуемся голосомъ въ училищномъ совѣтѣ, если и числимся попечительницами народныхъ школъ. Тутъ нашъ образовательный цензъ въ разсчетъ не принимается, а требуется онъ тамъ, гдѣ его у насъ нѣтъ.

Одна англійская землевладѣлица заявила въ палату о томъ, что подвластные ей фермеры имѣютъ право голоса, котораго она—ихъ госпожа, лишена. Это было въ 1832 г. и показалось только смѣшнымъ. Не казалось страннымъ лишать человѣка охраны собственнаго имущества, не дѣлать его полнымъ собственникомъ его же собственности, не позволять ему

Digitized by Google

имѣть голосъ тамъ, гдѣ онъ долженъ охранять въ силу того, что собственникъ.

Мы, женщины все еще не люди, и наше поколѣніе не доживетъ до того, что ими будетъ. Всякія наши попытки выдвинуться на поприщахъ, которыя намъ еще не открыты и гдѣ дорога не проторена, какъ-то артистки, романистки или врача, это цѣлая драма. И на этихъ новыхъ поприщахъ мы обыкновенно дѣлаемъ ¼ того, что могли бы сдѣлать, т. к. ¾ силъ уходятъ не на дѣло, а на борьбу. Неужели не пора покончить съ этимъ мучительнымъ пробиваніемъ дорогъ отдѣльными личностями и не время перейти къ иному взгляду на дѣятельность женщинъ?

Въ корнѣ этого взгляда должно лежать, вы знаете, что? Вы думаете, я скажу законность? Да, конечно, законность, но въ основаніи законности заключается нѣчто еще болѣе близкое и понятное намъ, женщинамъ—не что иное, какъ жалость къ людямъ, жалость къ цѣлой половинѣ человѣческаго рода. Пусть жалость вызоветъ къ жизни иной порядокъ вещей, не даромъ одна изъ защитницъ женскихъ правъ назвала недавно первымъ сторонникомъ женщинъ—Іисуса Христа.

Когда мы глубже вдумаемся въ запросы каждаго человѣческаго существа, какъ-то страшно дѣлается что въ нашъ цивилизованный вѣкъ, когда никто уже открыто не проповѣдуетъ мракъ, невѣжество и рабство, то самое, что такъ ясно теоретически, и не подвергается ни малѣйшему сомнѣнію въ этой своей общей формулѣ, становясь вопросомъ практическимъ, нуждается еще въ обсужденіи.

Что есть истина? спросилъ Пилатъ. Неужели мы—

Digitized by Google

Пилаты и не знаемъ. Нѣтъ, многіе изъ насъ знаютъ, что не примиряются съ дѣйствительностью, и 2×2 всегда останется для насъ 4, и никогда не можетъ быть 5.

Для тѣхъ же, кому истина ясна, искусственныя преграды, которыя ставятъ образованію и дѣятельности цѣлой половины человѣческаго рода, являются аномаліей въ наше время, и жизнь кипучею волною доказываетъ, что наша вѣра въ истину не ложь.

Жизнь врывается въ искуственно созданныя рамки и преграды, и онѣ поддаются и трещатъ. Жизнь отнимаетъ одинъ за другимъ аргументы, которые были до сихъ поръ въ рукахъ защитниковъ этой искуственности.

Что нужно женщинамъ? По ихъ мнѣнію, онѣ все имѣютъ и если не выходятъ замужъ, то находятъ себѣ и теперь мѣсто въ конторѣ или даютъ уроки.

Защитники того, что есть, не хотятъ знать, что женскій заработокъ составляетъ теперь гроши и что часто, благодаря именно такому низкому заработку женщина лишена возможности вступить въ бракъ съ любимымъ человѣкомъ или принуждена жить съ мужемъ, съ которымъ разошлась нравственно. Такимъ образомъ семейная жизнь обращается въ адъ и развращаются дѣти.

Иное обезпеченіе женскаго труда дало бы возможность гораздо чаще вступать въ бракъ по собственному выбору, не такъ, какъ это теперь, когда бракъ зависитъ отъ заработка мужчины. Разстаться съ безнравственнымъ мужемъ женщинѣ теперь почти невозможно, и чѣмъ онъ хуже, тѣмъ разлука труднѣе, чѣмъ мужъ лучше, тѣмъ положеніе жены легче, такъ какъ онъ руко-

Digitized by Google

водствуется не закономъ, а жалостью и великодушіемъ.

Но можно-ли назвать закономъ то отношеніе къ женщинамъ, которое существуетъ въ Европѣ?

Нѣтъ равенства предъ закономъ для всѣхъ людей, а законъ вѣдь норма, которая въ такомъ случаѣ теряетъ свое значеніе.

Существуютъ каѳедры всевозможныхъ правъ, слѣдовало бы учредить каѳедру женскаго права для того, чтобы вполнѣ освоиться съ несправедливостью существующихъ нормъ.

На всѣхъ поприщахъ дѣятельности женщинамъ не даютъ хода и чтоже?

Мѣшаютъ тому самому, что проповѣдуютъ, не, поощряютъ семейную жизнь, ту самую жизнь, которую женщины будто бы бросаютъ.

Неужели не пора смѣло посмотрѣть въ глаза дѣйствительности и не время признать ее фантастическою? Какъ можно не допускать къ дѣятельности въ силу принадлежности къ одному полу, а не къ другому? Не равносильно ли это тому, какъ еслибъ по какому нибудь вѣдомству могли служить только брюнеты, а разъ кто-нибудь родился блондиномъ, то ему не было бы дороги къ тому, къ чему онъ чувствуетъ призваніе?

Это тотъ вопросъ, который начертанъ теперь на всѣхъ дверяхъ, и разрѣшеніе его близко.

Текущія со всѣхъ сторонъ деньги на учрежденіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній краснорѣчиво говорятъ о томъ, что понимаетъ общество. Но одинаково ясно и то, что такія учебныя заведенія только палліативъ. Эти деньги могли бы получить иное на-

Digitized by Google

значеніе, еслибы отбросить давно устарѣвшій предразсудокъ и не закрывать передъ женщинами дверей университетовъ, въ эти такъ часто пустующія аудиторіи, гдѣ имъ бы нашлось мѣсто.

И вліяніе женщинъ въ стѣнахъ университета не могло бы не отразиться благотворно на ихъ товарищахъ мужчинахъ. Женщины войдутъ въ университетъ, какъ входятъ въ храмъ, съ любовью къ наукѣ, а любви этой нѣтъ теперь иногда у студентовъ; слишкомъ уже легко дается имъ ученье, они не знаютъ, что значитъ видѣть передъ собою затворенными двери и терпѣть танталову муку—жажду знанія.

Разъ, что женщины войдутъ въ университетъ подготовленныя (я считаю что должно быть уравнено среднее образованіе), онѣ будутъ итти дальше къ образованію и свѣту, къ расширенію своихъ правъ.

Вѣдь чѣмъ больше жизнь даетъ, тѣмъ больше она и требуетъ. Женщинамъ даютъ слишкомъ мало, и онѣ сами свыклись съ своею участью—мало и требовать.

Несмотря на ограниченность своихъ требованій, женщины добились того, что передъ ними открылись двери швейцарскихъ университетовъ. Не забудемъ, что это сдѣлано почти исключительно русскими женщинами, упрочившими эту репутацію въ Европѣ и съ горечью прибавимъ, что это двери иностранныхъ университетовъ.

Врачи—единственныя въ Россіи женщины, образованіе и дѣятельность которыхъ поставлены на прочную ногу (хотя уравненія въ правахъ нѣтъ и здѣсь). Дѣятельность ихъ дополняетъ блестящія строки въ исторіи нашихъ усилій.

Digitized by Google

Вспомнимъ ярость, съ которою вооружились противъ женскаго медицинскаго образованія германскіе врачи на конгрессѣ въ Висбаденѣ.

Эта ярость—великая—побѣда женщинъ. Конкурренція уже началась, и нѣмецкіе врачи объявили, что пусть женщины будутъ адвокатами и проповѣдниками, но не врачами. Почему не врачами? Ясно почему. Проповѣдниковъ и адвокатовъ въ Европѣ еще нѣтъ, и пройдутъ десятки лѣтъ, пока откроются эти новыя дороги, врачи же есть, и потому долой ихъ. Какъ могли допустить это мужчины?

Такъ точно, какъ допускаютъ теперь адвокатовъ и проповѣдниковъ: допускаютъ, пока ихъ нѣтъ.

Откуда берутся у насъ силы?

Если въ цѣломъ и большомъ нельзя не обвинять женщинъ въ мелочности и узкости, то нельзя одинаково не сказать, какъ имъ быть иными! Какъ сдѣлаться не узкими и не мелочными среди тѣхъ условій, въ которыхъ проходитъ жизнь. Дайте женщинамъ просторъ, и онѣ станутъ иными!

Только тогда мужчины получатъ право говорить о неравенствѣ съ собою женщинъ, о томъ, что женщины уступаютъ мужчинамъ, когда условія жизни станутъ иными, и будетъ положенъ конецъ той вопіющей несправедливости, которая существуетъ теперь.

Какъ могу я писать, сидя на полу, а мнѣ говорятъ, что я пишу плохо? Могу-ли я писать иначе? Таково положеніе женщины.

Только тогда можно будетъ говорить о томъ, что женщины пишутъ хуже мужчинъ, когда мы будемъ сидѣть за такими же столами. Мужчина только тогда можетъ считать себя равноправнымъ съ женщи-

Digitized by Google

ною, когда поставитъ ее въ одинаковыя съ собою условія.

Пока онъ ее унижаетъ, открытымъ остается вопросъ, равенъ-ли онъ ей, т.-е. равенъ-ли нравственно?

Глубоко вѣрно говорилъ Сократъ: я охотнѣе терплю обиду, чѣмъ обижаю самъ. Это говорилъ Сократъ, чувствуя свое нравственное превосходство передъ тѣми, которые его притѣсняли и оскорбляли.

Мы, женщины, повторяемъ эти слова великаго философа.

Да, мы выше, потому что насъ обижаютъ, а тѣ, которые хотятъ быть выше, должны, если они дѣйствительно выше, положить конецъ несправедливости и сознать, что чувство собственнаго достоинства существуетъ и въ женщинахъ.

Постичь все величіе словъ Сократа и глубокую правду въ немъ должны мужчины.

Если мужчина вѣритъ въ себя, то захочетъ самъ первый покончить съ униженіемъ женщины—онъ не будетъ болѣе видѣть въ такомъ униженіи достоинство для себя.

Зачѣмъ ему нужно терпѣть рядомъ съ собою существо неравноправное разъ, что онъ сознаетъ свою силу? Сила всегда соединена съ великодушіемъ. Тамъ, гдѣ сила, рука объ руку идетъ и благородство; нѣтъ желанія унижать, есть желаніе состязаться.

А мы, женщины, готовы вступить въ состязаніе съ мужчинами, писать за столомъ рядомъ съ ними, пусть вѣками прежней жизни мы и не поготовлены къ такой дѣятельности, и борьба, для насъ дѣйствительно тяжела. Но мы ея не боимся, потому что идемъ съ твердою вѣрою въ свои силы. Насъ поддерживаетъ вѣра въ себя—это лучшее, что есть на свѣ-

Digitized by Google

тѣ? А вѣра, какъ извѣстно, двигаетъ горами! Но двинетъ ли она мужчину?

Какимъ образомъ случилось, что женщина такъ унижена? Было время, когда уваженіемъ пользовалась только физическая сила, и въ это время и было совершено насиліе надъ материнскими правами женщины. Въ своемъ изслѣдованіи о матріархатѣ Бахофенъ, говоритъ, что переворотъ этотъ совершенъ Ѳезеемъ, однимъ изъ миѳическихъ героевъ. Время господства Ѳезеевъ теперь давно прошло, т. е. то время, когда физическая сила считалась выше духовной, и аномаліей является для насъ положеніе, созданное при господствѣ грубой силы, не отвѣчающее потребностямъ иного времени и болѣе развитыхъ людей.

Что прошло, съ тѣмъ надо покончить окончательно, а не жить обломками старины. А намъ это слишкомъ часто хочется, благодаря тому, что создавать трудно, вводитъ новый порядокъ вещей еще тяжелѣе!

То лучшее положеніе, которое пріобрѣли женщины въ Америкѣ, объясняется тѣмъ, что молодое государство не было связано никакими вѣковыми традиціями, и само собой отброшено то, что хранится въ Европѣ въ силу тѣхъ же вѣковыхъ традицій.

Въ Россіи у женщинъ больше правъ, чѣмъ въ зап. Европѣ (въ Германіи, чѣмъ во Франціи и въ Италіи), отчасти потому, что Россія государство молодое и такихъ традицій у насъ меньше, отчасти благодаря тому, что Россіей управляли женщины. Исторія женщинъ имѣетъ славныя страницы, если можно назвать страницами то, что относится ко временамъ, когда еще не существовало письменности. Такъ, женщи-

Digitized by Google

намъ приписывается изобрѣтеніе медицины—она была въ ихъ рукахъ искусствомъ, когда же ею завладѣли мужчины, то стала ремесломъ.

За славными страницами слѣдуютъ славныя строки: это женщины правительницы, начиная съ Египта, Ассиріи, Персіи и Скиѳіи и продолжая Британіею; это феодальныя владѣлицы, имѣвшія право держать войско, чеканить монету, назначать уголовный и гражданскій судъ. Въ эпоху возрожденія строки эти составляли профессора Болонскаго университета, причемъ каѳедры въ Болоньѣ. какъ позже, такъ и теперь занимали женщины.

Это еще англичанки Марія Митчель, Марія Сомервиль полька Каролина Гершель, француженки Софія Жерменъ, Добье, Дерэмъ,русскія Дашкова и Ковалевская, американка Бичеръ Стоу.

Почти неизвѣстенъ тотъ фактъ, что первая ежедневная газета основана въ 1702 г. въ Лондонѣ англичанкою Милле.

Пусть же за этими строками послѣдуютъ опять славныя страницы!

Исторія человѣчества не есть вѣдь исторія одного пола и то, что видятъ въ ней именно мужчины. Болѣе сознательное, чѣмъ до сихъ поръ, отношеніе женщинъ ко всему пережитому не можетъ не внести нѣчто новое въ науку и должно расширить ея горизонтъ.

Женщина была побѣждена силою физическою и никогда въ душѣ не признавала ея превосходства, всегда оставалась вѣрна тому, что составляетъ лучшее на землѣ—вѣрѣ въ силу душевную, въ солнце, а не въ вѣтеръ.

Digitized by Google

Но намъ надо работать, а не покоиться на лаврахъ, не довольствоваться тѣмъ, что мы имѣемъ, т. к. мы знаемъ, что имѣемъ мало, и будущее въ нашихъ рукахъ только въ томъ случаѣ, если мы будемъ жить этимъ сознаніемъ, а, слѣдовательно, работать.

Какъ во время войны 1877 г. студентки стали врачами, потому что показали себя ими, покажемъ себя гражданками, чтобы ими быть.

Пусть Россія подастъ примѣръ другимъ странамъ Европы, какъ подала уже въ 1877 г.

Неужели не пора отдать прошедшему женщину не человѣка?

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

Объ идеалѣ . . . . . 3.
Изъ области метафизики . . . . . 32.
Афоризмы . . . . . 39.
Что такое зло? . . . . . 55.
Одно изъ увлеченій нашей молодости . . . . . 71.
Жизнь и смерть . . . . . 85.
Два слова объ аскетизмѣ . . . . . 95.
О мужчинахъ . . . . . 105.

Digitized by Google

Digitized by Google

цѣна 60 к.

Digitized by Google